

A person is standing in a dark, plowed field at sunset. The horizon is a bright orange line, and the sky is a gradient of orange and yellow. The person is a small silhouette on the left side of the frame.

Алина Дмитриева

ШАМБАЛА

Небо - как дань мечтам.
Свобода - как способ жизни.
Земля - как под белыми крыльями.

18+

Алина Дмитриева

Шамбала

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дмитриева А.

Шамбала / А. Дмитриева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Кая росла сиротой, ведомая опекой нелюдимого наставника, пока однажды не столкнулась с самой могущественной организацией страны и не узнала, что единственное, ради чего ее воспитали – тайная политическая миссия. Самой сложной преградой на этом пути становится не война, а осознание, что самый дорогой человек принадлежит миру врагов.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Неподчинение	15
1	15
2	18
3	21
4	24
5	27
6	30
7	33
8	36
9	40
10	43
11	48
12	51
13	54
14	57
15	59
Часть 2. Восстание	62
16	62
17	64
18	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

*Небо – как дань мечтам,
свобода – как способ жизни,
земля – как под белыми крыльями.*

Пролог

– ...революция возникла внезапно, вспыхнув для мира настоящей сенсацией; власть оказалась не подготовлена. Каков период смуты, царившей в стране?

– Согласно полученным данным, смута длилась около тридцати лет. Начало периода совпало с установлением правления первого и единственного президента Белой Земли – Матиса Гонболя. До сих пор правительство Ас-Славии умалчивает тот факт, что действующий глава государства страдал тяжким недугом, утверждающим неспособность человека здраво мыслить и уж тем более принимать адекватные решения, от которых зависит будущее целого государства.

– Каким же образом Правителю удалось продержаться на посту в течении столь рекордного срока?

– Видите ли, уважаемый господин ведущий, есть темы, разглашение которых может лишить меня куска хлеба. Все, что я могу сказать, это то, что в столице государства действовала своя политическая сеть, настроенная поддерживать правление президента столько, сколько это оказалось бы возможным. К тому же, как всем известно, у правителя имелось трое сыновей, один из которых претендовал на почетный пост...

– Что вы имеете в виду под выражением «политическая сеть»? Куда же уходят ее корни?

– Не сочтите за политизм, господин ведущий, но на прямой вопрос даю прямой ответ: корни эти – здесь, в нашей с вами исторической Ас-Славии.

– Прошу прощения, профессор, но большинству из нас непонятно то, о чем вы сейчас заявили, – очевидно, ведущий сам оказался шокирован подобным поворотом событий.

– Вспомните выборы, проходившие на Белой Земле более тридцати лет назад, – с загадочным лицом продолжает интервьюируемый. – Не так уж мы все молоды, чтобы не помнить этого, не так ли? – доброе лицо старика отличается в этот момент особенным заговорщицким видом. – Вспомните, при каких обстоятельствах Матис Гонболь завладел браздами правления...

– Но наша с вами Ас-Славия – историческая мать Белой Земли. Мы всегда имели обоюдное влияние друг на друга. Поэтому, после всей случившейся трагедии и переворота наш действующий Президент сыграл ключевую роль в определении нового главы государства Белой Земли.

– Не кажется ли вам, господин ведущий, что Белая Земля вновь повторила ошибку, допущенную более тридцати лет назад? То же влияние, та же история, почти те же обстоятельства и никакого влияния на выбор президента – и тут уж впервые в мире дважды вступили в одну и ту же реку.

В зале слышатся недовольства. Все шумят, гудят, громко переговариваются. Кто-то выкрикивает возмущения политического содержания. Иные выбрасывают в воздух кулаки, сильно досадают, разворачиваются и уходят вон из зала. Похоже на начало нового бунта; значительная часть присутствующих – беженцы, мои земляки.

– Дамы и господа, прошу тишины! – громко требует ведущий. Толпа нехотя, медленно умиряется. – Итак, профессор, вы хотите сказать, многие факты, определившие ход этого исторического события, будут умалчиваться еще, возможно, несколько десятилетий?

– Могу с уверенностью это утверждать.

– Что ж, весьма прискорбная информация. Но каков же период самой революции?

– Год. Приблизительно год.

– Год... – ведущий с пониманием дела закивал головой. – Слишком короткий срок для исторического события, не так ли? – тут он резко выпрямляет спину и заканчивает диалог. –

Благодарю вас, профессор, за то, что согласились ответить на наши вопросы, – камеры дали крупным планом лицо ведущего. – Уважаемые дамы и господа, сегодня в нашей студии присутствует участница Великой Мятежной Революции, – он нелегко вздохнул. – Будучи предельно честными с вами, дорогие телезрители, мы заявляем, что убедить ее присутствовать на нашем ток-шоу оказалось слишком уж непростой задачей. Именно поэтому мы просим вас отнестись с пониманием и проявить терпимость ко всему, что вы можете услышать. Итак, встречайте, дамы и господа, – Армина Корбут!

Передо мной открывают двери. Я должна выйти в студию. Меня ждут. Зачем я согласилась на это? Спонсоры программы обещали деньги. Используя их, я могу купить билет в один конец, могу навсегда исчезнуть из этого проклятого клочка земли. И больше никто и никогда не заставит произнести и слово. И имя; самое главное, что названное имя не принадлежит мне. Уже не принадлежит.

Выхожу в просторную студию; люди встали со своих мест и громко аплодируют. Я осталась, не доходя до кресел и соф, стою и бесстрастно смотрю на эти лица. Этот народ вытаскивал мою землю из нищеты. Этот народ исторически связан с моими земляками. Они наши братья. Но я ощущаю смуту, больше не могу смотреть на весь этот фарс.

Ведущий – пятидесятилетний мужчина с копной седых волос – некогда черных – подходит ко мне и с небывалой нежностью помогает пройти далее, устроиться в огромном мягком кресле. В его жестах нет наигранной жеманности, чувствую, что все вершимое им делается из личностных внутренних побуждений. До чего же это успокаивает. Зрители все еще стоя аплодируют, на экранах отражается мое немного растерянное лицо. Затем вижу себя в полный рост. Они надели на меня брючный костюм и алый, как кровь, жакет. Какая ирония: словно очутилась в Метрополе семь лет назад, когда на мне красовалось вечернее платье точно такого же оттенка. Всюду мелькают огромные выпученные глаза камер: они то приближаются, то вдруг исчезают, и никогда не знаешь, с какого бока они к тебе подъедут.

– Здравствуйте, Армина, – его карие глаза выражают вселенское понимание; он будто разделяет каждое мое чувство. – Благодарю вас лично от себя за то, что согласились посетить наше ток-шоу и поведать о тяготах вашей судьбы. Здесь вы – лицо нации Белой Земли. Первый человек, который осмелился заговорить. Скажите, сколько вам было лет, когда все это началось?

– Восемнадцать, – безразлично отвечаю. – Или девятнадцать. Сейчас уже и не вспомнишь.

Толпа снова гудит. Кто-то кричит о своем неверии, и не их это вина.

– Бог мой, – поразился ведущий, – совсем девочка. Ребенок. Признаться, и сейчас в вашем лице есть какая-то наивность.

– О какой наивности вы говорите, господин ведущий? – пытаюсь улыбнуться; выходит очень даже недурно – спонсоры мной гордятся.

Зал взорвался хохотом. Глупцы. Пусть смеются, пока хаос и потери не поглотили их души. Пусть это станет им насмешкой в трагедии. Веселитесь!

– Поразительно, как вы умудрились сохранить чувство юмора, – улыбается ведущий, немного в растерянности. Неужели он и правда чувствует неловкость только оттого, что разделяет мою боль и дивится выставленной напоказ циничности? – Армина, – толпа утихла, готовая к серьезной дискуссии, – чем стала для вас эта революция?

Я смотрю в красивое лицо вопрошающего – немного женственное, но все еще свежее вопреки возрасту. Хочу продолжить стезю скабрёзности, но внутри что-то ломается. Понимаю, что ради забвения отдала бы многое.

– Что вы помните? – голос снова адресован мне.

Сколько раз слышала этот вопрос – и множество подобных – и каждый раз, стоя против чрезмерно ярких софитов, готова была разрыдаться, но вместо этого молчала.

Толпа изучает меня, как подопытного кролика. Роскошный зал амфитеатра заполнен до отказа. Тата еще перед моим выходом говорила, что в первый день продаж за билетами выстроилась километровая очередь. Людей слишком много, чтобы я осознала их присутствие.

Сколько раз до этого меня заставляли отвечать на этот вопрос.

Только в тот раз я почувствовала, что должна ответить. Я не могу больше молчать.

– Девочка, – мой голос слишком тих, но зрители заметно усмирили. – Я помню девочку. Ей было двенадцать.

– Что именно вы о ней помните? – теперь я понимаю, что ведущий чеканит равнодушный текст многомиллионного тиража.

– Она... дала надежду на лучшую жизнь... она... – я смотрела прямо в ослепительные огни софитов, – она не сумела их спасти... и ушла вместе с ними... – я выпрямилась. – Еще помню Дока. Слишком талантлив. Слишком... Родись он в столице, мир мог бы им гордиться... – нет, все не то! Почему я не могу сказать что-то действительно важное?! – Я помню девушку... у нее были темные волосы. Она любила малину... знаете, есть такая ягода – малина? – перед глазами, как вживую, мелькнуло пятно от ягод на белой блузке – и ее пустые, безжизненные глаза. *Будь сильной, Кая.* – И я помню своего брата!.. Потому что он изменил этот мир. Он его перевернул. А когда он лепил фигурки из глины... и посуду... замечательную глиняную посуду... – я вдруг стала задыхаться от душивших слез. – ...он пел старую песню... про дождь, – я быстрым движением утерла слезы и усмехнулась: – хотя он никогда не любил дождь, – снова выпрямилась и ломано запела:

*Пусть бегут неуклюже
Пешиеходы по лужам,
А вода по асфальту – рекой...*

Я умолкла, не в силах больше выдержать эту пытку, и с удивлением обнаружила, что некоторые из слушателей встали со своих мест и что-то мурлыкали себе под нос.

*...и не ясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой...*

– Да это просто смешно!

– Она лжет! – кричат где-то с первых рядов.

Я вздрагиваю. Иные продолжают петь. Все они хорошо знают эту песню, ибо создали ее еще при Союзе.

Сотни ночей я лежала без сна, глядя в потолок, и нашептывала эту песню, глотая слезы. Его песню. Песню Ноя Штарка, одного из тех, кто когда-то заменил мне семью.

Дрожали колени и пальцы рук; поднялась какая-то суета. Глаза застилали слезы, уже ничего невозможно рассмотреть. И туман – всюду один и тот же туман. Боль восторжествовала только сейчас, здесь, семь лет спустя. Слышу за кулисами голос Таты, чувствую растерянность Руни. Меня подхватили под руки и увели из студии.

– Уберите камеры! – кричит Тата, но настойчивые электронные глазищи пытаются запечатлеть каждую черту моего лица. – Я сказала: уберите камеры! – взревела напарница. Меня вывели в отдел подготовки, где на нас налетели спонсоры и даже репортеры. – По контракту вы заплатите ей половину стоимости, ясно вам? – бушует, как море, она. – И уберите, наконец, этих крыс. Мы не договаривались на интервью.

Охранники разгоняют репортеров, Тата тянет меня за руку – почти как в тот последний день, до того как мы пересекли границу Ас-Славии. Она все причитает: «Больше никаких интервью. Никакой публичности. Я и пальцем ради этого не пошевелю».

– Больше никакой политики, – отвечаю ей.

Деньги перевели сразу же. Тата привезла меня в некий отдел спецслужб, где пыталась доказать мою адекватность восприятия окружающей действительности. Мужчина – в строгом костюме, при галстукe, с едким запахом туалетной воды – убеждал в небезопасности подобной затеи. Никто не знал наверняка, но Тата все еще могла значиться в списках личностей, совершивших государственную измену; а без нее мне не было пути на Белую Землю. Моя же личность в границах родины едва ли представляла какую-либо ценность. Спустя многие часы переговоров, власти приняли нашу сторону и выдали действительные паспорта.

– Но помните: эта поездка – на ваш страх и риск. Если местные вас повяжут – мы вряд ли сумеем помочь сию же минуту. Сами понимаете.

Но Тату – душу отчаянную в своих стремлениях – едва ли тронули слова этого человека. Впрочем, как и меня.

Город изменился. Замковая гора – пристанище местных легенд и гордость всего Ущелья – канула в небытие; ее место заняла едва холмистая равнина – ничем не отличимая от сотен других по всей стране. А ведь когда-то мы, будучи детьми, взбегали, запыхавшись, на эту гору, и восседали на самой ее макушке, глядя на протекающую мимо реку и живописные болота вдаль, на границе с Шестой Провинцией. Что ж, воды остались, но их соседям суждено было сохраниться лишь в памяти предков. Северные леса, предшествующие рудникам, сгорели. На их месте теперь зеленели кустарники и кое-где отцветали ярко-красные дикие маки. Южное поселение осталось прежним, но, впрочем, местные власти разделили его на три условные части: для низшего, среднего и высшего классов граждан. Иерархия доходов казалась слишком уж очевидной, чтобы ее не заметить; многие метрополийцы возвращались на свои малые родины, предпочитая сельскую жизнь жизни в столице.

Под покровом ночи многие дома виделись прежними, но я знала, что с наступлением рассвета перед нашим взором появятся иные пейзажи, и, быть может, эти неизбежные перемены вызовут непреодолимую тоску в сердце.

Остановились мы несколькими улицами далее дома, и стали жить в съемной квартирке на первом этаже, где едва сумели бы уместиться вдвоем одновременно. Комнату нам сдавала дряхлая старушка, глазевшая на меня слишком уж предвзято, а однажды и вовсе вогнавшая в краску неуместным вопросом: «Вы, часом, не из здешних мест будете?» Я взглянула на Тату, и мы дружно промолчали.

Едва мы опустили небольшие дорожные сумки и оглядели крохотную комнатку, в которой умещалось только три, не менее крохотных, кровати, как сразу же решили осваиваться извне, дабы не чахнуть в этих мрачных стенах. Под потолком красовалось окно с железными прутьями, на что прагматичная Руни с облегчением вздохнула: «Ну, стало быть, воры не залезут, и деньги наши останутся нетронутыми». После того, как ее обчистили в одном из поездов, она сильно переживала за наш скромный, почти бездоходный бюджет.

Опочив с несколько часов, я прошлась по местным улочкам, силилась все преодолеть щемившую в сердце боль; взяла напрокат велосипед и принесла немного еды. Дорога вытянула из нас все силы, и мои попутчицы не сумели заставить себя подняться с постели как минимум до наступления вечернего часа; однако лишь диву давались моей прыткости. Мои внутренние

резервы поистине настораживали, учитывая что в ходе нашей прошлой остановки я пролежала с лихорадкой три дня, прежде чем мы снова двинулись в путь.

О, что за чудесный мир открылся нам в первые дни пребывания в давно позабытых краях! На соседней улице, рядом с трущобами, возвышались истоки роскошнейшего обитания местных буржуа. Неровной полусферой там разместились новехонькие дома; милейшие, белые, как снег, резные заборчики ручной работы окружали эти замки, и обрамляли входные двери многочисленные лужайки зеленейшей из всей зеленой в мире травы. По утрам там лаяли маленькие комнатные собачки, а по вечерам матерые бульдоги охраняли покой хозяев. Однажды ненароком попав на эту улицу, я стала свидетельницей капризов господских детей. Они отказывались наведываться к ужину и все требовали какие-то диковинные игрушки. Право слово, нечто удивительно новое в этих краях! Просто немыслимо!

Миновав полузаброшенные гаражные постройки, и свернув в сторону многоэтажных домов, совсем скоро я наблюдала, как из соседнего подъезда выходят завсегдатаи библиотеки. До чего странно: библиотека в пятиэтажном доме. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет в Ущелье обзаведутся подобными заведениями!

Потрепанная входная дверь рядом была открыта, и с постели свешивалась тоненькая ножка Руни, а где-то рядом не находила покоя Тата – не то раскладывая вещи, не то ломая голову над предметом грядущего ужина.

Я оставила велосипед у двери и зашла в душную темную комнатку. Постели разобраны, чемоданы разбросаны – мы явно не задержимся здесь надолго.

– Идем ужинать в «Шале», – сказала Тата.

Я пожала плечами.

– Деньги спрячьте. Нам еще здесь жить.

Как долго? Кто знает. Весь минувший день, рассекая окрестности городка, мысли мои занимали внутренние пересуды и диалоги: как скоро нас отыщут, заметил ли меня кто-нибудь сегодня днем, что делают комитетники... Один-единственный страх явился моим постоянным спутником в течение многих лет, так что я не нашла иного выхода, кроме как смириться с ним.

Снедаемая этими же мыслями в тот же миг, я сняла шапочку, спустила волосы и превратилась в обычную Каю, которую знали те, кто жил со мной в этом убогой конуре.

– Денег хватит еще на неделю, – сказала Тата. – А потом надо искать работу.

Я посмотрела на Руни, которая из-за усталости, вызванной нескончаемой дорогой, все никак не могла заставить себя подняться, пусть день и клонился к закату, – и погладила конструкцию велосипеда. Мы стояли поодаль, и все же я говорила приглушенно.

– Возвращайтесь в Ас-Славию. Министерство подыщет вам работенку в какой-нибудь отдаленной области... А я должна уехать.

Голова Таты чуть нагнулась в сторону, и лицо ее – некогда такое суровое в первый год нашего знакомства – изобразило подлинное сочувствие.

– Остановись, Кая, – мягко, тихо произнесла она. – Ты должна где-нибудь остановиться. Ты не можешь вот так всю жизнь переезжать с места на место.

– Может быть, ты мне запретишь это? – быстро съязвила. – Господи! – вскрикнула в отчаянии. – Умереть бы мне вместе с ними! Разве это справедливо: они там, спят в земле, бог весть где, я даже не знаю, где находятся их могилы – их не найти! А мне положено скитаться черт знает для чего и прокручивать в своей голове каждую проклятую секунду этой проклятой жизни! Потому что если я останусь на месте, я сойду с ума, слышишь?! Я наложу на себя руки, как это было в тот день!

Я выдохнула, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Нешадно скоро колотилось сердце. Мне двадцать семь, а бунтую так, точно семнадцать.

Столкнулась взглядом с наивной Руни, что застыла с книгой в руках. Вот уж кто останется бесхитростно-честной до конца.

– Что случилось? – пропищал ее голосок, и я едва не заплакала, отвернувшись.

– Ничего, милая, – бросила Тата.

– Она никогда этого не вспомнит, – произнесла я. – Перед отъездом врачи сказали, что может быть, увидав родные места, она вспомнит... какие-то счастливые моменты. Может быть в прошлом она испытывала радость, стоя, например, на опушке... или видя цветы... И увидав это снова, вся картина в голове восстановится. Они сказали, есть шанс. Но она не вспомнит. Не вспомнит даже ребенка, которого потеряла так скоро... Сколько мы уже здесь? Она думает, это очередная экскурсия...

– Кая, – Тата устало водрузила свое тело на железную ограду, – столько лет прошло. Здесь все другое – совсем не то, что было раньше. Для нее так даже лучше. Лучше не помнить всего этого, как ты.

Той ночью, не в силах уснуть, под покровом тьмы я вышла из квартирki и направилась в сторону волчьего пустыря. Ни в одном окне не горела лампа – все мирно почивали и видели прелестные сны. Ни один гуляка не встретился на моем пути, ни один ночной писака не изливал страницам душу в свете ночника, и никакие стражи порядка не тревожили моей размеренной прогулки. И все же я лихорадочно оглядывалась по сторонам, как когда-то очень давно, молясь о провидении и удаче.

Шла не прямой дорогой: кое-где сворачивала, бродила у старой церкви, все еще не восстановленной после бомбардировок. Рядом с ней, на пригорке, установили монумент: огромный восходящий к небесам пик в полый мраморной окружности. Поднявшись на холм, в свете луны, различала гравировки многих имен, которые могла бы воспроизвести даже в самом глухом беспамятстве: Белов Гор, Дария Лия, Дария Лурк, Лога Сет, Ручински Али, Ручински Артур, Ручински Сфорца, Шиман Агафья, Шиман Филипп... Конечно же, здесь целые списки – соседи, знакомые, местные лекари, гадалки, рабочие... Но эти строчки выделяются особенно. Сквозь них мелькает лицо Сета – предводителя местного населения. Старый волк Сет... Он один боролся за собственные идеи.

Уходить невероятно тяжело; казалось, они все здесь, собрались вокруг и что-то гомонят, смеются над тем, как нелепо все это произошло. Как бы я хотела увидеть их лица, знать, что они живы, и снова, день ото дня, возвращаться из долины сюда, в Южное поселение, видеть, как они выметают сор с крылец домов, пропалывают грядки, носят воду, рубят дрова, возмущаются какому-то нововведению, уперев руки в бока...

Видимо, на пустыре за железной дорогой вот-вот возведут новые дома; и нет больше места волкам, воющим в страшной ночи и туманном рассвете. Я шагала все время прямо, взобралась на очередной холм, достигла леса и прошла вглубь, узнавая каждое деревцо и кустарник – даже тот, с которого срывала для Марии орехи.

Границу между Шестой и Седьмой провинциями снесли. Каменную ограду с силой долбили чем-то тяжелым, и валуны с кусками застывшего цемента летели далеко в сторону поля, лоснящегося серебристо-зелеными побегами только взошедшего рапса. Неужели и наш дом отыскали?!

Но нет. Шагая вдоль руин, я достигла долины, в неге которой, в самой скале, поросший негустым мхом и сокрытый высокой травой, стоял покинутый немногочисленным семейством дом. Станут ли меня здесь искать? Устроят ли засаду? Им известно об этом жилище, но действительно ли я настолько глупа, что потащила нас именно в этот городок, навстречу своей гибели? Неужели столько лет странствий привели меня к этому? Я мучилась и боялась, и сердце стучало, словно гонг меж лопатками. Черные одеяния скрывали меня, но лунный свет пускал дорожку вдоль поросших тропинок.

Дом стоял в запустении. Я помню так, как будто все случилось вчера. Тренировочный турникет снесли взрывами, его остатки поросли редким сфагновым мхом. Часть сарая утопала в высокой траве. Наши тропки и следы канули в небытие, как никогда не существовавшие при-

зраки. Природа делала все, чтобы уберечь это жилище от посторонних глаз и никому ненужного вмешательства.

Едва взор коснулся фасада, углов, знакомых до боли бортиков и, некогда аккуратных, хоть и простых, травяных островков, как сердце защемило с дичайшей тоской. Я выдержала необходимую мне паузу, и только потом приступила к делу. Узкие окна требуемой комнаты блестели в молочном свете луны, и я степенно поднялась по лестнице. Ключ, едва заметным грузом висевший на моей шее последние семь лет, наконец, дождался своего часа. Не верилось, что эта реликвия, как тайна, хранимая у сердца, обрела телесную необходимость. Я сняла его и отперла дверь. Она ни разу не скрипнула, и не издала звука ни одна половица, будто чувствуя приближение своего человека. Но глаза пытливо исследовали каждый темный угол, все страхась увидеть ловушку или услышать сирены.

Но все было тихо. Старый лакированный шкаф светлого дерева сверкнул своей дверцей, и в многочисленных полочках я обнаружила все оставленные сокровища: веревочные крепления, охотничьи лук и стрелы, перчатки, ножи для метания, тонкие мастерки на теплую погоду...

Размышляя о собственной никчемности, я не смела заставить себя покинуть этот дом. Господи, сколько же призраков оживляла каждая клеточка этого пристанища! Постель Киану, пледы Мальвы, посеревшая записка Кары, комнаты Руни и Натаниэля, вещи Орли и могила Ноя... Неприкаянная, у самой скалы, она почти исчезла в факте своего существования. Только тот, кто знает, что здесь покоится человек, отыщет этот мертвый кусочек земли.

Очутившись в том лоне, меня вдруг перестали волновать все страхи, и все невзгоды показались ничтожными. Дом! Я дома! Сколько же времени потребовалось для того, чтобы понять, куда звало меня сердце, и сколько лет потрачено впустую вдали от того подлинного места, что сумело бы дать мне живительную силу.

Обливаясь слезами, я опустила на постель, где и провела ночные часы. Но, прежде, чем запели первые петухи, вынуждена была возвратиться в убогую конуру – нельзя уведомлять горожан и местные власти о возвращении единственной его хозяйки спустя столько лет.

Нас ждало разделение путей. Это решение далось поразительно легко.

За комнату уплатили сразу же, вещей и того гляди меньше; однако Руни заупрямилась и потребовала ненадолго остаться, тем более что поезд отходил ввечеру. Ей жаждалось взглянуть на местное здание Совета, то самое, что возродили из пепла, точно Феникса. Еще большей загадкой стало то, что об этом факте она вспомнила сама, и мы гадали: было ли это удачной реминисценцией?

– Интересно, чьи семьи там теперь работают, – пробубнила Тата, – и какие фамилии значатся.

Снедаемая детским любопытством, я поддалась просьбе, хоть она и казалась неблагоприятной: мы заранее условились не посещать людных мест, а здание Совета располагалось не далее, чем в пятистах метрах от площади.

– Мы не будем ни с кем разговаривать, – настаивала я, поправляя узкую дорожную юбку. – И уж тем более не отвечать на всякие вопросы. Всем ясно?

– Да, да... – уныло отзывались спутницы.

С тоской и болью я шагала по тем улочкам, вглядывалась в каждый дом, отмечала каждый новый куст, каждое деревце, клумбу и камешек, появившихся за минувшее время. Город

немноголюден. Молодое поколение еще не успело восполнить ту брешь смертей, вихрем пронесшуюся над Ущельем.

Мы добрались до здания Совета – помпезного, вычурного, чем-то напоминавшее замки Баварии. Ах, до чего прекрасны эти замки!.. Всюду резные детали, возвышенные архитектурные стили – готика, эклектика, ренессанс, – высокие окна, массивные ставни, витые лестницы, небесные литые ворота... На пригорках зеленели ровно подстриженные газоны, дорожки и тропинки выложили камнем.

У входа собралась небольшая группка людей, и Руни, напрочь позабыв о нашем уговоре, подошла к какому-то джентльмену и спросила:

– Что это здесь?

Очаровательный клерк – почему-то он виделся мне именно клерком – обворожительно улыбнулся и пояснил:

– Сегодня прибыли советники из столицы, среди них также ветеран Великой Мятужной Революции.

– О! – не удержалась Руни и задрала повыше голову, чтоб разглядеть резные балкончики и замысловатую крышу.

Руни стояла в узкой полосе мелькавших лиц, и ее милое лицо озарялось широкой улыбкой. Ей не хватало общества с его неумной жизнью и движением. Тату я нигде не видела, но знала наверняка: скачет где-нибудь и радуется, чертовка. Такой уж она человек: то ходит из угла в угол мрачнее тучи, то готова ослепить сиянием безмерного счастья. А день нынче дивный. В воздухе царит перемена, кожей чувствую: грядет нечто невероятно важное. Я запахнула тонкое пальто и взглянула на высокие сапоги точно по голени – до чего диковинно быть похожей на девушку, а не юнца в форме. Как славно находится здесь, в этом месте, в этом городке.

Я велела Руни стать передо мной, а сама прислушивалась к гомонившей толпе. Тут были и зеваки, и высокопоставленные лица, наверняка занимавшие посты в самом Совете. Они все тараторили о каком-то собрании, переговорах, новом музее, который хотят построить в память о Революции... Входные двери настежь распахнуты, и я увидела роскошную внутреннюю обстановку: гобелены, блестящая плитка, бархатные диванчики и мебель темного дуба. Совет ожил, как оживило и Ущелье. Кончились темные времена.

В эту же секунду двери конференц-зала раскрылись, и оттуда вышло несколько массивных фигур в дорогих костюмах и неправдоподобно белых рубашках. Толпа смолкла и уставилась на уходящих гостей торжества. Внутри меня что-то екнуло. Прежде, чем поняла, что происходит, ноги сами стали отступать в сторону, прячась за остальными фигурами.

Вдруг начался слепой дождь, и все засуетились – ни у кого не нашлось с собой зонта, люди поспешили в здание. Идея прощальной встречи утратила свою актуальность всего в одну минуту. Провожатые и охранники раскрыли тяжелые трости над головами своих покровителей. Среди мелькающих фигур, на другой стороне от дверей я видела Тату; она воздела к небесам ладони, смеялась, точно дитя малое, и все кричала: «Ах, дождь, Кая! Дождь, совсем как летом!» Я и подумать не могла, что в этой резкой женщине может таиться столько силы, жизни, цветущей радости. Ее крики в одночасье повисли в накаленном воздухе.

Лицо Эйфа поначалу обратилось к чуть крупной фигуре Таты, и сразу же – ко мне. Точно чувствуя, нежели что-либо зная, он безошибочно отыскал мои глаза в убегающей толпе, и, размеренно шагая в сторону ворот, все не мог отворотить головы. Я замерла, загнанная в клетку. Когда произносят слово «ветеран», на ум приходит сморщенное лицо уставшего от бремени жизни старика и его сгорбленная, покалеченная войной фигура; меньше всего ожидаешь увидеть здорового мужчину в расцвете лет. Ни одной царапины, ни единого шрама или недуга, точно святая власяница коснулась всего его существа еще задолго до рождения. Разве что он – как и все мы – стал старше. Но он им был; капитан Эйф Шиман был среди них единственным ветераном – больше никому.

Мелькнуло одно: «Это конец». Вот-вот он остановится и позовет своих крыс или гончих псов. Интересно, эта гнилая система управления все еще не изжила себя? Или для ее ликвидации требуется еще одна революция?

Я поспешила к Тате, чтобы увести ее подальше и отыскать Руни. Господи, о чем она только думает, эта вечная девчонка!? Сегодня такой важный день, а она балуется и резвится! До чего скверная оказалась идея поддаться просьбам Руни и ходить рядом с площадью и зданием Совета!

Я перебежала тропку и схватила Тату за руку.

– Кая, ты хорошо себя чувствуешь? – с особым вниманием обратилась Тата.

– Кажется, я сошла с ума, Тата! У меня галлюцинации и теперь меня упрут в психушку! Я видела *его*, Тата! *Его*! Шимана! Капитана! Эйфа Шимана! Но он не может быть жив! Это ошибка!

Не знаю, почему, но в тот миг вся недолгая жизнь мелькнула перед глазами.

Часть 1. Неподчинение

1

Травы лучше всего собирать на рассвете. Так говорит Мальва. Когда-то Герд рассказывал историю нашей провинции: именно та горстка девушек, что внемла давней традиции, остались живы, а их деревню и всех мирно спящих жителей спалили дотла. Все это случилось много лет назад, во времена Второй мировой войны – одной из самых кровопролитных для наших земель.

– Ты опоздала, – усмехнулась Кара, принимая из рук собранную листву, – Герд тебя убьет.

– Не убьет, – с ехидной улыбкой отвечала я.

Кара подала мне стопку одежды и указала на задний двор – у самых скал. Там никого не было, значит, можно спокойно переодеться.

– Ты опоздала, – раздалось громогласное Герда, и я закатила глаза.

Он был немногословен, так же, как Киану и я. Это единственное, что нас объединяло. Герд умел показать свое недовольство, используя иные методы.

Киану, Ной, Нат и Орли еще до рассвета отправились на охоту; Кара, Руни и я должны тренироваться несколько часов. Солнце все еще поднималось высоко, однако здесь, в Ущелье, судя по тому, как низко летят ласточки да воробьи, к обеду должен разразиться дождь. Я пыталась думать именно об этом, когда Герд велел мне пробежать несколько лишних кругов и отжаться с десятков раз в качестве наказания.

– Привет, девочка Кая! – смеялся Натаниэль.

Ной поет свою любимую песню:

*Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту – рекой...*

Наша четверка возвращалась с отличным уловом рыбы и тушек птиц в брезентовых мешках, – и, надо признать, я им страшно завидовала, стоя на площадке и обливаясь потом. Охотиться куда интересней, чем скакать на одном месте.

В скале – гениально смонтированная цистерна, скрытая от посторонних глаз, накапливает дождевую воду, под скалой – нехитрое приспособление из добросовестно сбитого ведра, наполненного водой. Натаниэль оградил деревянной завесой отдельный угол. Блаженно сбрасывая насквозь промокшую одежду, я услышала присвистывание Киану, и последовавшие слова Мальвы:

– Герд совсем замучил девочку.

– Позволь *мне* разбираться с этим, – он был страсть как недоволен.

– Разумеется, – почтительно отвечала пожилая дама и уходила в дом.

– Сегодня у них отличный улов, – сказала Кара из-за перегородки, – возьмишь еды своим.

– Тетка будет рада.

Собравшись за общим столом, я вlepила хорошую оплеуху Киану, ибо нечего глазеть, как я пытаюсь высвободиться от одежды, в попытках, наконец, вымыться. Он пригрозил мне и сверкнул своими волчьими глазницами.

– Президент отдал приказ о строительстве медицинского центра высочайшего уровня, – сообщил Герд.

– Хм, для кого? – ухмыльнулся Нат. – Кто может позволить себе лечиться от простуды в королевском диспансере?

– Только короли, – смешливо поддержала Руни.

– Это вызвало недовольства, – дальновидно заметил Киану – один из немногих, способных мыслить.

Его голос прозвучал слишком уж спокойно среди саркастических выражений прочих.

– Естественно. Народ возмущен. Ввели также новый налог на земли, прилегающие к жилым домам и хижинам.

Восемь пар глаз уставились на меня в одночасье. Я состроила гримасу.

– А налог на воздух еще не ввели? – раздался тоненький голосок Руни.

– Уже готовится постановление, – вторила Кара.

– И завтра все, как миленькие, побежите платить – особенно ты, Ной, – голосил Нат.

Все рассмеялись, даже Герд не сумел сдержать улыбки. Они знали: все это жутко нелепо. Мы являлись мертвыми душами, страдал только народ. Лишь простые граждане, там, за каменной стеной, разделяющей провинции, вынуждены беспрекословно подчиниться новому устою. Я с грустью подумала о том, как сообщу эту новость своей тетке и сестре.

Выйдя из дому, я только и слышала разговоров, что об этих повинностях.

– После этого Президента точно убьют, – смеялся Ной.

– Из-за очередного налога? – язвительно отзывалась Орли. – Нет, тут должно быть что-то другое.

– Да уж. Как будто и без этого у него мало грехов, – поучительно наставлял Натаниэль.

– Но ему ведь предсказали смерть! – звонко щебетала Руни.

– Да брешь! – кричат со сторон.

– Да нет же! Все сходится! Его отец цыган, и к нему прицепилась какая-то цыганка и нагадала, мол, помрешь нелегко, убьют тебя.

И конца и края не видно этим сплетням. Как только Герд занимался своей работой и не терроризировал нас, ребята тут же утоляли свою жажду к беседам. Правда, до тех пор, пока блаженные минуты свободы не истекали, и нас снова ждала какая-нибудь работа.

– Быстрее, Руни! – ревет Герд. – Да тебя и мышшь нагонит с такой скоростью! Так ты убегаешь от комитетника, да?

– Я больше не могу... – сипит, остановившись, девочка.

– Беги, я тебе сказал! – кричит наставник, даже покраснев в лице. – Ниже задницу, Кая! Хочешь остаться без ног?! Кто так ползет? Ящерица? Ниже задницу, я сказал!

Он до отвращения груб и до одури силен. Подойдет, глянет своими синими глазами, – и жить не захочется.

– Кто так стреляет, Киану? Кто так стреляет, я спрашиваю? Где твои глаза? Ты ослеп? – после этих слова руки у парня дрожат, пока он не соберется и не попадет точно в мишень.

– Орли, проверь крепление! Ты думаешь, я буду всегда напоминать тебе об этом? Представь, что это война!

И так каждый раз: быстрее бежать, выше карабкаться, сильнее бить, точнее стрелять. Нет права на ошибку, нет секунды на размышления. Если не сделаешь этого прямо сейчас – не сделаешь уже никогда.

Когда мы были детьми, каждый божий день Герд устраивал нам собственные уроки-лекции. Он научил нас писать, читать, считать; делился знаниями, о которых сведал сам. Сферы самые разные: происхождение жизни, человеческая физиология, яды и противоядия, действие

трав и настоек, психология страха, важность математических исчислений... Государственные школы оказались для всех нас закрыты, но Герд давал нам куда больше.

После обеда каждый волен заниматься своим трудом; так повелось много лет назад. Я вынуждена была дожидаться вечера и направиться в дом тетки и ее дочери Марии. В конце концов, это она растила меня целых два года, прежде, чем я попала сюда.

– Будь осторожна, Кая, – настаивала Кара. – В городе все еще может быть опасно.

– В будние дни опасаться нечего.

Мальва помогала мне упаковать в рюкзак рыбу и немного зелени. Напоследок она подала мне сверток с какой-то крупой.

– Нет, Мальва, – сразу сказал я, отталкивая дар.

– Возьми, дитя. Они голодают, мы пиршествуем. Здесь не так уж много.

Я добродушно улыбнулась старой женщине и быстро ее обняла. Вдогонку она мне прошептала что-то вроде напутствия или молитвы, – но я уже шагала по тропе от нашего убежища.

2

Никогда не забуду, как впервые увидела этот дом. Иногда казалось, что он врос в скалу и является его неотъемлемой составляющей. Несуразный, большой, сбитый из добротных досок, он пережил ненастные вьюги и сильнейшие морозы, предоставляя кров его многочисленным жителям. Задняя площадка, ведущая в горной дороге, виднеется не сразу, так что я оказалась приятно удивлена, осознав, какой свободой обладают здешние жители. Их не так уж много для заброшенной фермы: хозяйка Мальва, наш наставник Герд, и мы – три пары человек – трое молодых людей и ровно столько же девушек.

Когда я впервые увидела их на той площадке, они показались мне самой слаженной командой из любых ныне представляемых. Мальва сказала: «Добро пожаловать, дитя. Теперь мы все вместе». Она была странной женщиной, во всяком случае, я не всегда понимала, что именно она пытается до нас донести. Она часто являлась мне во снах и часто что-то говорила; но разве ж юные сердца внемлют очевидным предсказаниям?

Рядом взмылся в небо черный ворон и громко каркнул, будто бы проклиная все кругом. Я перелезла через каменную изгородь – границу между Волчьим Ущельем и Шестой провинцией и прислушалась: часто стражи порядка проходили вдоль границы, проверяя, не нарушают ли закон здешние жители. Нам запрещалось перемещаться по стране без веских на то причин.

Никого не обнаружив, я зашагала по лесу. В багряных лучах заката засветились лесные орехи; и я не могла не остановиться. Мария любила ими полакомиться. Муж тетки, добрый старик Мун, часто приносил нам пригоршни, когда мы были детьми. Те немногие времена, что я вспоминаю с улыбкой.

Небольшой старый рюкзак полон до отказа, пришлось достать кой-какой сверток и ссыпать туда орехи.

На выходе из леса виднеется Волчье Ущелье – совсем, как на ладони. Далеко, в центре города – здание Совета; ярко-желтое строение растянувшееся на пригорке, обитель зла, как шутя называют его волчки. Вокруг него – элитные многоэтажные дома местных управленцев. У железной дороги, вдоль западной стены и до самых рудников – жилой сектор крестьян да пара ферм. Кажется, будто это два совершенно противоположных друг другу мира – Долина Шлака и сияющий Нью-Йорк – Метрополь Белой Земли. В последнем отзвуке дня сияли не только те самые орехи, висевшие на дереве, но и купол местной церквушки – единственное достояние Ущелья и сохранившаяся дань предков, знававших мир куда лучше нашего.

– Эй! – раздался внезапный глас. Я вздрогнула, но не остановилась. – Эй, стоять! Не с места, кому говорю?

Душа ушла в пятки.

За спиной страж порядка в темно-синей форме с серебряными пуговицами-заклепками; и оборачиваться не надо, чтобы вспомнить этот мнимый знак семерки на предплечье – номер Волчьего Ущелья в иерархии провинций.

– Из леса? Что у тебя в руках? – он стал ловко и настойчиво копаться в свертке, хоть мышцы моих рук противились тому. – Пойдешь со мной, – он толкнул меня в сторону патрульной машины. – Ты ведь знаешь, что нельзя пересекать границу.

– Я не пересекала гра...

– Замолчи, – он сильнее толкнул меня в плечо, и сверток эпично выпал из рук; орехи с глухим треском рассыпались по земле, отскакивая на лету.

– Эй, парень! – с холма спускался Киану. – погоди, милоч, надо поговорить.

Образовалась потасовка. Ничего не понимающего стража порядка мирным жестом отвели в сторону и произнесли на ухо определенное количество слов, после чего лицо его в

одну секунду просветлело, и он отправился восвояси. Киану проводил взглядом преследователя и подошел ко мне.

- Испугалась, девочка Кая? – Насмешливо, как и всегда, спросил он.
- Замолчи, – выдавила, понимая все же, что он прав. – Ты что, следишь за мной?
- Еще чего. Герд велел за тобой присмотреть. В городе сегодня небезопасно.
- И ты не придумал ничего лучше, кроме как плестись по пятам?

Он усмехнулся, и мы отправились вниз, по холму.

- Что ты ему сказал?
- Что лесные орехи не представляют угрозы.

Это немного ослабило мою неприязнь, и мы рассмеялись; хоть на вопрос так и не получила ответа. Всегда он так: способен уличить в трусости, обсуждая нечто постороннее.

- Тебе тоже лучше не соваться в город...

– Девочка, ты забыла: я свободен, как ветер, и никто не увидит меня, пока я сам этого не захочу.

Далее шагали в молчании. Невозможно поддерживать беседу с тем, у кого это зашкаливает все возможные пределы.

Прежде, чем спуститься к селу, взбираюсь на центральный холм: отлично видны ворота, ведущие к рудникам, и главные посты страж. Должно быть, власти усилили контроль над гражданами, опасаясь бунта из-за очередного введенного налога. Впрочем, Волчье Ущелье и без того находится у них на особом счету: Седьмая Провинция, не в состоянии подчиниться ни одному из изданных законов, – и люди здесь, видимо, не так просты, как кажутся.

– Буду ждать темноты, – я спустилась и легла на пригорке, глядя в небо. – Иди в дом, или придется ночевать на улице, – я задумалась. – Хотя, ты же не просто так шел в город, – и уставилась в его темные глаза.

- Знать ты много не знаешь, но соображаешь неплохо.

На горизонте маячили птицы – ночные хищники – и копошились у леса осмелевшие зверьки. Уже стемнело достаточно, чтобы в безопасности возвратиться к границе, – но еще недостаточно, чтобы войти в село.

Едва силуэт Киану исчез из виду, как послышались чьи-то шаги. Сапоги отбивали уверенный ход по песочным камешкам; так ходят только те, в чьих руках сосредоточена хоть какая-то власть – местные жители часто испуганно перебирают стопами, в надежде скорей добраться до дома. Я достала нож из-за пояса, готовая обороняться не на жизнь, но на смерть. Годы наставничества Герда не выбили из меня первобытный страх, и сердце вновь готово было разорваться в клочья, когда шептала:

- Кто здесь?
- Ты кто?
- Вит? – облегченно выдохнула и спрятала нож.
- Ты что тут делаешь? – Из-за холма показалась фигура паренька.
- Прячусь от страж. Их слишком много сегодня.

Наши дома разделяет один трухлявый забор. Пока мы шли, я опасливо оглядывалась, трусая.

- Что ты делаешь так поздно в городе? – спросила я.

– Носил одному старику лекарство. Он припелся на своих двоих после полудня, лег на лавку и больше не вставал. Когда я пришел, дети помогали ему смыть с лица мел.

- Отец вернулся с завода?
- Нет. Думаю, они останутся там на ночь.

Внутри меня снова все переворачивалось. Я никогда не воспринимала подобное легко, как это удавалось Киану, Орли, Натаниэлю – всем, и никогда не могла смириться, пусть все

кругом и твердили об этом. Внутри сидел барьер – нерушимая стена – и каждый раз какой-то колокол настойчиво звенел, не давая мне покоя.

– Осторожно, – прошептала и оттолкнула Вита назад.

Там, по главной улице, неспешно прохаживался солдат, поблескивая в скудном свете зарождающегося месяца своими форменными серебряными пуговицами. Мы скрылись за поваленным забором; залаяли сельские собаки, и тут нельзя было медлить. Мы опрометью кинулись к домам и бежали меж оградами, сквозь чьи-то посевы и огороды. В паранойе казалось, что нас заметили.

– Быстрее, Вит! – торопила.

Мы пробежали пять домов, и я увидала наши собственные. Тетка никогда не запирала заднюю дверь, ибо я часто возникала у их порога слишком неожиданно.

– Вит, к нам!

Мы обогнули заросли нескошенной травы и перепрыгнули низкий, покошенный забор. Я рывком потянула на себя дверь; мы неуклюже ввалились в темноту.

– Святые угодники! Ну хватит уже! Мария, зови страж! – раздался голос тетки.

3

– На нас напали! Нас хотят ограбить!

– Нет-нет, – поспешила успокоить родительницу, – Бона, это мы, не кричите.

Мария скоро зажгла огарок свечи, и я, наконец, сумела разглядеть их сонные, уставшие лица, и ветхий, понурый дом. За много лет здесь почти ничего не изменилось, разве что краски еще больше потускнели, протерлась ткань простыней и тонких, как паутина, занавесок, да отсырели стены.

– Ах, что б вас! Весь город на ушах стоит. Почему вы бежали и врываетесь, точно черти какие? – она неодобрительно посмотрела на Вита.

– Мы... Я боялась, что нас увидела стражи.

– Ты невыносима, Армина, – тетка с усталостью водрузила свое нелегкое тело в кресло.

– Тебя не было восемь дней, – с укором произнесла Мария.

– Ну извини, принцесса, – со злостью отозвалась я.

– На нас напали, – продолжила она, – поэтому мама и кричала.

– Кто напал? – я скинула рюкзак и села на трухлявый стул.

– Какой-то бродяга. Беженец, наверное. Когда его пытали здесь, он сказал, что хотел бежать из Шестой провинции в Ас-Славию.

– Трусливая курица, – не сдержалась я.

– Что?

– Ничего.

– Чем это пахнет? – болезненно-худое лицо сестры скривилось.

Я совсем забыла, зачем проделала весь этот путь к дому тетки; принялась разбирать рюкзак.

– Я принесла рыбу, здесь немного крупы... и орехи. Для тебя, принцесса.

Мария немного подобрела и свернулась калачиком у старого дивана с кульком в руках. Сердце тетки, казалось, тоже растаяло. Все мои неудачи и принесенные им неудобства окупались с лихвой теми продуктами, которые удалось достать, благодаря неустанному труду.

Я завернула в бумагу большую рыбину и протянула Виту.

– Возьми. Я знаю, что Сфорца сегодня продала весь сыр и масло. Для Ми и Али хватит.

– Спасибо, – он не мог позволить себе отказаться.

Голодать могли все – только не дети.

– Вит, мама поранила ногу. У тебя есть лекарство?

Ее капризная манера требовать все подряд бросала меня в нервную дрожь.

– Мария, – начала я, но извечно благодарный юноша тут же выпалил:

– Разумеется. Я принесу сейчас же.

– Вит, не... – но он выскочил из дома через главную дверь.

– Мария, ты ведь знаешь, как туго они живут... не нужно отнимать у них последний хлеб. Эти мази они могут продать и жить несколько дней.

– Ничего подобного, – сурово отозвалась тетка. – у них своя корова, да еще на сносях. За сыр и масло дорого дают, и отец у них живой, работает на каменоломне, и сынок их врачует. За лекарства дают не меньше, чем за сыр с маслом. Да они живут лучше многих в этом городе!

– Тетя... – я закачала головой.

Почему она ничего не понимает? Будто я разговариваю с призраками.

– И нечего тебе водиться с Витом. Он знает, где ты живешь и чем занимаешься? – тетка отвлеклась от разделки рыбы и вытерла лоб тыльной стороной ладони. – По закону, в этом доме

проживает два человека – мать и дочь. Если тебя заметят, будет плохо. У тебя даже паспорта нет. А Вит может рассказать об этом кому угодно.

– Он никогда этого не сделает.

– Еще как сделает! – Тетка безжалостно рубила рыбу на куски. – Если Комитету велят его пытать или ему предложат денег – он долго молчать не будет, и ты это знаешь, – она отвлеклась. – Мария, спусти это в ледник.

Сестра полезла в подвал, сразу у печи, а тетка продолжала:

– Так что не вертись у людей на глазах, если хочешь жить, поняла?

Открылась дверь, вошел Вит, неся в руках какие-то лекарства и примочки.

– Я обработаю вашу рану, садитесь.

Тетка водрузила свое тучное тело на изрядно потрепанное, выцветшее кресло и приподняла длинные подола юбок.

– Где это вы так? – рана и впрямь казалась ужасной.

– Мама рубила дрова, – ответила Мария.

– Бона... – выдохнула я устало, – женщинам не следует рубить...

– Кто это мне велит, что я должна, а что – нет! Жить как-то надо, печь сама не натопится.

– Я могу приходить и рубить вам дрова... – протянул Вит, занятый работой.

– Вит, не... – начала я.

– Вит, что бы мы без тебя делали! – воскликнула Мария.

Раздосадованная, я почти чувствовала, как меня всю колотит от ненависти к сложившемуся положению. Я подошла к раковине, сделанной покойным Муном по старой схеме времен Советского Союза. Втолкнула стержень в емкость и услышала, как вода полилась в пустой таз. Смочила лицо, шею, омыла руки.

– Я пришла, чтобы сказать еще кое-что, – решила не тянуть с миссией. – Правитель ввел новый налог на прилежащие к дому земли. Вероятно, на днях придут люди из Совета на опись этих земель.

– Что? – наивно прозвенел голосов Марии.

Я знала, что деньги у них имелись. В прошлом месяце я принесла им солидный мешочек монет после поездки Герда на ярмарку в Шестую провинцию. Они уплатят налог сейчас, а далее... далее мы всегда жили сегодняшним днем.

– Мама, поэтому ты сказала, что весь город на ушах стоит? – простодушно щебетала сестра.

– Да, девочка, поэтому, – Бона глубоко задумалась и долго молчала.

– Вот и все, – произнес в тишине Вит, и указал на перевязанную ссадину, – постарайтесь не лить воду на рану.

– Так намного лучше, – отозвалась тетка, что следовало считать благодарностью.

– Не ждите меня в эти дни, – собрала заметно полегчавший рюкзак и поправила мастерку, – вернусь, когда в городе станет спокойней.

Мы не прощались так, как это делали семьи в моем воображении. Бона устало поплелась к своей койке, Мария потушила огарок свечи, мы с Витом вышли в темноту ночи, закрыв за собой дверь.

– Спасибо тебе, Вит, – попыталась улыбнуться, – тетка слишком гордая, чтобы благодарить.

– Ерунда. Мы всю жизнь знаем друг друга, – он вертел в руках остатки лекарства и какие-то самодельные инструменты.

– Знаешь, ты не обязан рубить им дрова, но... я не могу позволить, чтобы тетка это делала сама. Это ужасно... Она – все, что есть у Марии... – я глубоко вздохнула, затем резко повернулась к Виту и схватила его руки. – Позаботься о них, прошу тебя. Ты ведь знаешь, что я не могу этого сделать...

– Армина, не беспокойся. Мы всегда рядом.

Его добрые глаза отражали мириады звезд, и я подумала о том, как мне повезло иметь в друзьях такого человека, как Вит. Он юн, честен и благороден – истинный лекарь.

Я отпустила руки и вгляделась в непривычно ясную ночь. Обыкновенно в Ущелье во тьме покоя не разглядеть собственных пальцев, к рассвету стелется туман, часы бодрствования отмечены тоской пасмурности. Но сейчас воздух прозрачен и отчетливо видны звезды, и волки у границы не воют, опасаясь слишком скоро стать замеченными вечно обозленными местными жителями.

– Вит, ты ведь знаешь, что я бываю здесь тайно.

– Да, с десяти лет я прикрываю тебя, – негромко засмеялся парень.

Я оказалась поражена его признанием. Необходимость в дальнейшей просьбе растворилась сама собой, однако я должна была быть уверенной.

– Не знала этого... Спасибо. Не говори никому обо мне, ладно? Нам бы вообще не знать друг друга, понимаешь? – я снова заглянула ему в глаза.

– Конечно, понимаю. Больше, чем ты думаешь, – ответил он.

Мы долго молчали, думая каждый о своем. Эта ночь как нельзя лучше подходила для подобных размышлений. Казалось, грядет нечто невероятно важное, и следует по обыкновению склонить пред этим головы. В умиротворенном ночном воздухе Ущелья чувствовались перемены, однако я оказалась не готова к ним, – и меня всю передернуло.

– Почему в городе суматоха? – спросила, наконец.

– Отец сказал, приехали советники Метрополя. Завтра заседание в здании Совета. Скорее всего огласят новые законы или еще что.

– Когда они уезжают?

– Через несколько дней. Точно не известно.

Я осмотрела дома кругом – почти все окна черные, без единого намека на луч света, – и на дорогу, ведущую в горы, к заводу, каменоломне и рудникам. Интересно, какое дело поручил Герд Киану в эту совсем небеспокойную ночь?

– Еще увидимся, Вит, – я быстро обняла его и отправилась в сторону границы, к дому.

4

Весь день мятежен. Знала ведь, что с теткой и Марией ничего не случится, но тревога засела глубоко внутри, и, точно какое помешательство, не унималась. Я приказала себе успокоиться. Ежедневный труд помог преодолеть переживания; увы, совсем ненадолго, лишь на те часы, что руки оказались заняты работой.

Еще стоял день, когда мы покончили со своими обязанностями, и каждый занимался, чем вздумается. Киану, как всегда, и след простыл; Ной на заднем дворе мастерил горшки из глины; рядом с ним чинил табуреты Натаниэль; Орли помогала Мальве заготавливать на зиму кой-какие продукты; Руни читала вслух. Это было одно из ее завсегдашних любимых занятий: раскрыть животрепещущие поэмы восемнадцатого века, полные чувственных описаний и трагических развязок, и со всем возможным упоением прочесть вслух; но не громко, не крича, а с должной интонацией, так, чтобы передать иные перипетии иного героя.

Пока она наслаждалась мелодией собственного голоса, позади раздались шаги: Кара спустилась по лестнице через дверь черного входа. Я обернулась и на какую-то долю секунды залюбовалась ею. До чего она прекрасна, наша Кара! Ее энергичная, гибкая фигура двигалась слаженно, едва заметно, будто плыла. Свои иссиня-черные цыганские волосы она собирала в длинную косу, но шелковистые непослушные пряди выбивались из прически, придавая ее обладательнице вид исполинской дикарки. Вот он – мой дух свободы. Ее светлые глаза смотрели зорко, в самую душу, но многолетняя сноровка научила ее скрывать подлинную дальновидность за нарочито страстным обликом.

– Почему ты улыбаешься? – спросила она.

Я дотронулась до ее густых волос – не в пример моим собственным.

– Ты у нас красавица. Герд слишком строг к тебе. В его власти отправить тебя в Ас-Славию или Аламанию, и подыскать тебе отличного мужа.

Кара громко расхохоталась: мы обе знали, что замужество не для нее – ни для кого из нас. Она сильная, отважная, независимая. Она наша Единица, Герд во многом рассчитывает на нее.

– Удачная шутка, – отозвалась она. – Идем, прогуляемся.

Нам так часто хотелось побыть наедине, но случалось это так редко, что встречи эти обретали особую сокральность.

Мы направились к лесу. Опушка видна далеко впереди, но для ее достижения шагать довольно долго. Впрочем, мы не спешили – на кону многие обсуждения.

– Киану сказал, к тебе прицепился страж.

– Киану бы язык укоротить, – бесилась я.

– Не злись, – мягко поправляла она, – это я его спросила.

– Все печешься обо мне?

– Кто, если не я?

Мы остановились и взглянули друг на друга. Интонация ее голоса мне не нравилась, за ней крылось нечто, чего я не знала.

– Почему ты так говоришь?

Наверное, впервые в жизни я видела ее такой растерянной. Ответила она не сразу, и это настораживало еще больше.

– Иногда я беспокоюсь за тебя. Времена не те, чтобы жить спокойно. Больше я ни в ком не уверена.

– Я не такая беспомощная, как вы думаете.

Мы продолжили путь.

– Может быть, я и трусиха, но я борюсь с этим, и я достойна помогать Единицам.

– Ну конечно, милая, – как всегда легко и просто она сглаживала острые углы. – Мы все знаем, что ты еще перевернешь эту историю.

– Боюсь, эту историю уже ничто не перевернет.

Мы засмеялись, подразумевая по этим ту разруху, что творилась в стране долгие десятки лет.

– Кстати, об этом. Когда я ходила в дом тетки, Мария рассказала мне об одном беглеце из Шестой провинции. Он хотел просить политического убежища в Ас-Славии, но... его пытали и били... Они с теткой не помогли ему. Тетка и Мария не помогли ему. Наверное, сейчас он уже мертв – или на полпути к могиле.

Мы уже добрались до малинника и принялись неспешно собирать ягоды.

– Кая, ты не можешь спасти каждого. Пора бы уже привыкнуть к этому.

– Никогда не смогу смириться с этим.

Я чувствовала макушкой головы, как Кара долго смотрела на меня, но, не дождавшись ответной реакции, тяжело вздохнула и вернулась к делу.

– Будь осторожна, Кая. Бунтарство в наши времена обходится дорого. Чтобы выиграть это дело, ты должна быть готова поставить все, что у тебя есть. Но парадокс в том, что именно тогда, когда потеряешь все, ты способна сопротивляться по-настоящему. А пока нам всем есть что терять.

Мы немного помолчали; только легкий ветер в кронах деревьев полошил наши мысли. Я постаралась принять слова Кары – во многом пророческие, – но они комом стали где-то в голове, не желая становиться осознанием.

– Ах, как я люблю малину! – пропела Кара и отправила целую пригоршню ягод в рот. – Это ягода любви. Помнишь песню про малиновые губы?

Я улыбнулась и тоже съела несколько ягод. В эту пору они были крупными и сочными, как никогда. Мы набрали большую миску для пирога Мальвы, и теперь позволили себе наестся вдоволь. Кара так увлеклась, что перепачкала себе половину лица и воротник мастерки.

– Ты как ребенок, – смеялась я.

– В Метрополе таких радостей не найдешь, – произнесла она и тут же заметно сжалась, осеклась.

Вскоре возвратились в дом. На веранде отдыхал новый глиняный горшок, на рабочем столе Ноя – неоконченный кувшин. Он с детства проявлял тягу к гончарству, и, очевидно, родился в нужном месте: кроме мела и руды в горах Ущелья добывали прекрасную глину.

– Отличная работа, Ной, – похвалила я.

– Спасибо, – солнечно отозвался парень.

Киану и Герд о чем-то шептались у старого камина, и мне до смерти хотелось узнать, что же они опять задумали. Мальва забрала у Кары миску с ягодами и принялась вытирать платком ее лицо.

– Ох, девочка ты моя, запачкалась хуже мальчишки-сорванца.

Ее жесты сквозили такой открытой любовью, которую она проявляла довольно редко, все чаще предпочитая замыкаться в повседневных хлопотах. Происходящее мне категорически не нравилось. Все шло совсем не так, как обычно: слишком много любви, тепла, слишком много учтивости.

– Эй, Кая, я иду завтра охотиться на кроликов. Ты со мной? – спросил Нат.

– А как же Руни?

Лицо его несколько исказилось, и я поняла, что между этими двумя что-то произошло. В межличностных отношениях, в коих задействовано не более двух персонажей, Руни обладала довольно скверным нравом, про таких обыкновенно говорят: семь пятниц на неделю. Интересным являлось иное: в обществе трех и более человек она проявляла себя совершенным

ангелом, наивным и почти безобидным. Однако становиться третьим звеном в их союзе мне не претило.

– Помиритесь, – ответила с улыбкой.

Перемена в лице Киану так очевидно пронзила пространство, что я едва не выкрикнула о своем любопытстве. Весь вечер он был задумчив, но я, храня марку, с беспокойным сердцем отошла ко сну.

5

Жаждалось поговорить с Карой о Метрополе, но это все никак не удавалось. К чему она так часто упоминала этот город в минувших наших беседах? Герд хотел, чтобы я отработала некоторые варианты вылазок, так что мы с Киану и Орли отправились к западной части гор, где вероятность встретить кого-нибудь снижалась до минимума.

Не успели мы закрепить веревки, как я уже мечтала покончить со всем этим. Компания собралась прескверная: ни с одним из этих людей я не ладила по-настоящему; и уж наверняка предпочла бы одиночество текущей потасовке.

– Ты пропустила интересные новости, – сказал Киану, с легкостью маневрируя ногами и веревкой.

– Какие еще новости? – я пыхтела, как паровоз, из-за слабых мышц рук, невозможности как следует подтянуться, все еще боясь высоты, все еще с дрожащими ступнями.

– В городе переполох: все возмущены введением нового налога. Многие отказались платить, сказали, у них нет денег. Их кинули в тюрьму.

– Что?! – нога соскочила с камня и повисла в воздухе.

– Остальные платили. Потом Сет собрал народ и отправился в центр, к главному Советнику. Там сейчас проходят заседания, и их, конечно же, не пропустили. Люди стали кричать и возмущаться. Вышли стражи и охранники и поколотили особенно резвых.

– Киану, это просто варварство! – выпалила я. – Мы должны что-то сделать, что-то предпринять!

– Что ты можешь сделать? – выступила извечно едкая Орли.

– Мы можем... Герд может поговорить с... не знаю. Но он знает пути выхода! Он точно знает!

– Пфф... Слишком мелко для Герда.

– Девочка, это... – Киану не мог подобрать слова.

– Бунтуют везде, Кая, – равнодушно продолжала Орли. – Это закономерно. Так и должно быть. Народ на грани, а мы не можем помочь каждому. Что же тогда станет с нами?

Эти самые слова мне произнесла накануне Кара. У всех один мотив, заученный по приказу Герда; это выводило из себя.

– Мы даже ничего не делаем, – ярость помогла мне преодолеть последние метры и оказаться на вершине горы. Я упала наземь, обессиленная, и уставилась в светло-серое небо.

– А что ты предлагаешь, девочка? Пойти с ними и получить пару десятков ударов дубинкой? – Киану загородил свет, став у моего изголовья.

Я проигнорировала его замечание и села.

– Но ведь скоро выборы.

Словно из ниоткуда появился Герд.

– Именно поэтому нам необходимо затаиться, – его голос звучал, как всегда, спокойно, но властно, будто за каждым словом крылась глубокая мысль. – Грядут восстания еще более великие.

– Это то, что мы всегда делаем, – не унималась я; встала и отряхнула с одежды траву, – прячемся. Мы и так мертвые души – с нас же станется. Мы никто на бумаге, но мы можем помочь народу. Существуют же в провинциях какие-то группировки – вроде тех, что у Сета. Я просто не верю, что их не существует. Да, черт вас подери, можно писать обращения и петиции и ехать с ними в Метрополь, – я уже не могла остановиться.

– Не будь такой наивной, Кая.

– А ты не будь трусом, Киану.

– Это я-то трус?

Мы готовы были вцепиться друг другу в глотки.

– Отставить! – прогремел Герд, сытый по горло нашими постоянными препирательствами; и послушаться его мы не имели права.

Черные глаза Киану метали искры, ноздри раздувались, мышцы гуляли под темной формой.

– Замолчите; слышите? – сказала вдруг Орли.

Вдали работали лопасти вертолета, но звук с настойчивостью приближался в нашу сторону.

– Быстро вниз, – велел Герд. – Живо!

Мы схватили веревки и покатались вниз. Киану, как всегда, справлялся быстрее всех; Орли попевала за ним; меня постигали неудачи.

– Шевелись, Кая! – велел Герд. – Внизу расщелина. Крепим веревки, спускаемся туда.

Времени снимать веревки не оставалось, но они не должны болтаться в воздухе. Герд учил, что прилегающая плотно к обрыву веревка привлекает меньше внимания.

Все спустились. Мне оставалось полпути. Я слышала, как вдалеке кроны деревьев зашевелились от силы грохочущих лопастей. Не успею.

– Прыгай! – кричал Киану.

Отпустила веревку и в одну секунду рухнула вниз. Орли крепила мою веревку. Поднявшись, локтевую часть пронзила боль. Герд затолкал нас всех в расщелину. С трех сторон нас окружала гора, с четвертой – лес; двинулись вглубь скалы. Над головами пролетел старый, грузный вертолет – так низко, что заложило уши. Мы уже находились в относительной невидимости. Должно быть, когда-то давно здесь была пещера, а во времена начала двадцатого века детишки играли здесь в прятки.

– Ты могла нас выдать, – не удержался от замечания Киану.

Держась за локоть и глядя ему в глаза, ответила:

– Я бы никогда этого не сделала.

– Что с рукой? – Герд дотронулся до локтя, но от боли резко одернула руку.

Он велел мне снять мастерку. Я осталась в тонкой нижней майке, Киану не преминул подмигнуть. Он часто издевался в подобном ключе, а потом ухохатывался, сидя где-нибудь в одиночестве. Именно за это я чувствовала, как сильно ненавижу его.

Орли ушла в пещеры.

– Похоже на вывих, – изрек Герд. – Замри.

Я закусила рукав мастерки, он одним движением вправил кость. Даже крикнуть не успела. Болевой шок прошел всего в несколько минут, но я все еще корчилась на земле, пытаюсь вернуть жизнь руке.

– Что там? – спросил Герд у возвратившейся Орли.

– Жгли костры и долбили подобие кроватей. Место беженцев.

– Ни одна провинция не славится такой способностью укрывать преступников.

– Они не преступники, – выдавила я. – Они хотят другой жизни.

– Может, хватит уже протестовать? – обозлилась Орли. – Мы уже поняли тебя.

– Сюда могут хлынуть потоки беженцев, – сказал Герд, выглядывая из расщелины. – Все чисто. Снимаем веревки и возвращаемся.

Я работала правой рукой, левой наматывала веревку.

– Сегодня заложим камнями вход в Долину. Нельзя, чтобы нас обнаружили, – продолжил Герд.

Уже подходя к дому, я устало поинтересовалась:

– Герд, где Кара? Целый день ее не видела.

Орли, будто что-то зная, но не желая в этом участвовать, поспешила удалиться. Наверняка сейчас все обсудит с Ноем.

– Герд? – я обернулась, но он исчез. – Киану, что...

И вдруг, в одну секунду, всю мою усталость, как рукой сняло. В его взгляде я уловила едва заметное сочувствие, но слова его прозвучали сухо и безучастно:

– Рано утром она уехала в Метрополь.

6

- Куда? – стараясь сохранять самообладание, переспросила я, не веря своим ушам.
- Брось, девочка, ты же знала, что рано или поздно это произойдет.
- Ты все знал. Весь день ты все знал и ничего мне не сказал... – я начинала вскипать. –

Господи, я ведь даже с ней не попрощалась...

- Кая, успокойся, наконец.

– Ты трус! Ты самый настоящий трус! – толкнула его так сильно, насколько это позволяли силы, и пошла в сторону границы.

- Кая, куда ты собралась? – кричал вслед Киану.

– Я не собираюсь жить под одной крышей с двуличными трусливыми подхалимами, ясно? – голос отозвался в долине эхом, и несколько птиц взлетели со своих насестов.

Мне некуда было идти, и я никому не могла помочь. Я была никем. У меня даже не было паспорта, и я не знала своего настоящего имени. Мертвая душа в живом теле. Но хуже всего то, что единственный человек, имевший хоть какую-то связь с моей душой, был вынужден исчезнуть, не произнеся и слова; и боюсь, что навсегда. У Единиц свой долг, неведомый безликим мира сего.

В смешанных чувствах на память возвратились детские годы – слишком серьезные, чтобы называться беззаботными – но все же не такие, как у прочих ребят Ущелья. Кара старше нас – и много лучше; она сразу взяла меня под свое крыло, будто старшая сестра или ангел-хранитель; и не было мне человека ближе, чем она была. Но Герд постоянно занимал ее какой-то работой, оставался с ней наедине, отправлял в другие провинции. Многое она утаивала – и не без причины: послушаться Герда смерти подобно. Мы всегда знали, что ее миссия особенна – много сложнее и опасней, чем все то, чем занимались мы. Она не подходила ни на одного из нас – ей нужна была свобода, и, кажется, она ее получила.

В те дни я, воспитанная дикарем, способной вспороть брюхо дикому кабану, думала только о себе. Это свидетельствует лишь о не слишком возвышенной натуре, чуждой морали и эстетического восприятия действительности. Больней всего тогда, когда начинаешь себя жалеть. Я шагала от границы к Южному поселению, и жалела только себя. Меня покинули. Я была раздавлена. Мне было больно. И я не чуяла повисшей в воздухе опасности.

Свернув на нужную улицу, стала свидетельницей еще одной потасовки: стражи скрутили руки Вита, опустив на колени, в пыль, и пытали его. Его мать, младшие брат и сестра стояли посреди дороги и молили отпустить юношу. Соседи вышли из своих лачуг, иные в страхе осмеливались наблюдать из окон, – и с жалостью все воззрели эти картину. А жандарм все вертел у носа Вита какой-то стеклянный пузырек и все допытывался, где он его достал. Бона, очевидно, задерживалась в школе, и Мария примкнула к семье Вита, опасаясь, как бы и к ним в дом не ворвались эти нелюди.

- Эй! За что вы его пытаете? – мой голос еще никогда не звучал столь угрожающе.

Соседи смотрели на меня со всех сторон, и это почему-то придавало уверенности.

Один из страж подошел ко мне. Не будь на мне той странной формы и добротных ботинок, никто из них даже не заговорил бы со мной – дали б по спине прикладом, и поминай как звали.

- Он нарушил закон, производил наркотические вещества.
- Это успокоительные мази, – отвечала.
- Вы знакомы или причастны к содеянному?
- Нет, но...
- Схватите ее! – крикнул другой жандарм. – И свяжите ей руки.

Они принялись выворачивать мои руки; в левом локте мне еще мучили боли. Отбивалась правой – так, как учил Герд. Солдаты не ожидали подобного, это дало выигрыш в несколько секунд, чтобы подобраться к Виту.

– В чем обвинение? – шепчу.

– Я ничего... – испуганно начал он, но вдруг его глаза округляются от страха еще большего.

На меня напали сзади.

– Эй! Держи ее! Она из повстанцев!

Меня дернули за левый локоть, и я скорчилась от боли.

– Что здесь происходит? – раздался уверенный голос. В одну секунду все усмирились.

К нам приблизился некий молодой человек. Я никогда прежде его не видела. На нем красовалась иная форма – темная форма Метрополя, без этих ужасных серебряных пуговиц; на предплечье красная буква М – Метрополь. За ним ровно шли подчиненные. Приверженцы правителя. Это лишь еще больше раззадорило мою внутреннюю ненависть.

– Отставить, – велел он.

– Разрешите доложить, капитан.

– Разрешаю.

– Мальчишка занимается несанкционированным производством наркотических веществ, и, как следствие, участвует в незаконном сборе правительственных и государственных ресурсов.

– Поясните.

– Травы, капитан. Лесные травы.

– А это? – он указал на меня, и я бы с радостью плюнула ему в лицо, если бы только не стояла на коленях.

– Из повстанцев, капитан. Отстаивает интересы своего приверженца.

Я взглянула на Вита: он держался молодцом, хоть и весь дрожал от страха.

Капитан долго рассматривал меня, мое лицо, фигуру, иное движение; и, очевидно, убеждался в словах подчиненного. Во всяком случае, моя боевая мастерка, плотные брюки и добротные ботинки говорили сами за себя: я им не мирный житель Ущелья.

– Что скажут обвиняемые? – обратился он ко мне.

Я гадала: это показательная снисходительность или человеческая заинтересованность?

– Провокация, – громко произнесла, стараясь вложить в слова как можно больше надменности – той самой, с которой они обращались к нам. – Мы сельские жители и залечиваем раны простыми средствами. Вы хотите запретить нам это? Вы называете это преступлением? Это геноцид собственного народа!

Уголок его рта заметно дрогнул. Вот же сукин сын! Его это только веселит! Нашел себе забаву в далекой провинции и потешается! Всем известно: приверженцы Метрополя живут в роскоши. Какое им дело до умирающих крестьян?

– Отведите их в здание окружной тюрьмы, – спокойно велел капитан и еще тише принялся давать указания страже позади.

Нас с Витом подняли с колен, и я решила, что пора из этого поскорей выпутываться. Капитан обратился к подчиненным из Метрополя, заговорил с ними по-немецки. По крайней мере, мне чудилось, что слышу именно этот язык. И вот она, моя возможность спастись, та самая, что может стать и погибелью. В общей суматохе прокричала:

– Mein Familiennamenname ist Stark.

Капитан обернулся, сквозь толпу подошел ко мне.

– Entschuldigung?

– Mein Familiennamenname ist Stark, – почти плюю ему в лицо эти слова.

– Прикажете пытать, капитан? – раздался голос жандарма прямо над ухом, и он так больно сцепил мне руки, что чуть не закричала.

– Нет, прекратите, – он глянул на меня. – Und dieser Junge? – указал на Вита.

– Unschuldig, – уверенно ответила.

– Отставить, – выпрямился капитан. – Освободить пленных, – он поднял руку над толпой, и на запястье мелькнула буква М – татуировка, коей клеймят каждого приспешника Метрополя. После этого тебе дана одна дорога – служить Правителю и беспрекословно подчиняться ему во всем. – Именем закона провозглашаю невиновность!

– Но почему, капитан? – особенно прыткий страж бойко подбежал к своему руководителю.

Капитан, сохраняя спокойствие, наклонился к лицу подчиненного и прошепел:

– Потому что они наши, идиот. Взгляни на их форму.

Малец поднял округлившиеся глаза на капитана, затем глянул на меня, осознав ошибку.

– Понял, капитан, – опасаясь выговора, поспешил согласиться он. – Разрешите действовать.

– Разрешаю.

Я буравила этого капитана взглядом, совершенно не понимая, что происходит и почему он так сильно меня выгораживает.

Толпа загудела, Сфорца кинулась с младшими детьми к Виту, Мария боялась подходить ко мне. Сильно зудел левый локоть, я согнула руку и прижала к телу. Ну и в историю же я влипла!

Капитан пытался что-то донести до меня своими глазами, но я отказывалась взаимодействовать; тогда он подошел ближе, и негромко произнес:

– Вели Штарку явиться в здание Совета завтра в три часа пополудни.

– Что вы с ним сделаете? – изумилась я.

Снова на лице его мелькнуло подобие доброй улыбки. Черт подери, как весело жить! И почему это я не смеюсь, видя голод Вита или болезнь ребенка?!

– В городе сейчас опасно, – тихо добавил он, и по всему моему телу пробежала неясная дрожь.

Прежде, чем я осознала всю двойственность положения, этот странный капитан успел собрать подчиненных и отправиться восвояси.

Меня подхватила Сфорца и принялась страстно, как никогда прежде, благодарить за спасение Вита.

Какой дьявол привел меня сюда? Истерия, вызванная отъездом Кары, превратила меня в слабое, беспомощное существо, а ведь Герд полжизни нас учил, что чувства должны стоять не на первом месте, иначе сам станешь кормом для Метрополя.

Я не слышала, что говорили люди, что лепетали Мария и Сфорца... Я находилась в пространии. Я совершила самую большую ошибку – выдала себя всему городу. Они меня никогда не видели и никогда не знали, ведь я – мертвая душа. Дело о моей смерти пришили еще шесть лет назад к бумагам моих родителей, а теперь... я все разрушила. Мне все твердили: ты не можешь спасти всех. Спасла – и погубила себя.

Еще более раздавленная и угнетенная, чем прежде, я вынуждена была возвратиться в дом Герда.

7

Неведомо, какими путями, но он всегда все узнаем первым. Еще прежде, чем я переступила порог гостиной, почуяла невообразимое давление в воздухе. Ужин подходил к концу; Мальва и Орли прибирали со стола, их высокие стройные фигуры плыли по узкой столовой, точно призраки покинутых замков Шестой провинции. Ной отправился кормить свиней и кур. Руни молила Натаниэля составить ей компанию в какой-то карточной игре. Киану ждать не приходилось – сама тайна и неподчинение во всем доме. Но самое ужасное то, что не было Кары. Да, она часто уединялась после позднего ужина и занималась неведомой нам деятельностью; и все же тогда мы знали: она рядом.

Я безуспешно пыталась убедить себя, что все мои стенания напрасны и что перед всеми я предстаю, по меньшей мере, глупой, трусливой девчонкой, не ведающей собственного места. «Ни капли профессионализма», – выразился бы безупречный Герд.

Он поднял на меня свои темно-синие глаза – всегда казавшиеся несколько более знакомыми, чем должно бы, – но не произнес ни слова. Одним из эфемерных его талантов являлось проницательно умение скрывать от людей свои мысли. Герд был как скала: вечен, тверд, непоколебим. Он знал ответы на все вопросы и никогда не сомневался. Он был нам богом, которому мы поклонялись – впрочем, без отрицательных предпосылок, почти добровольно.

Он спокойно окончил свой вечерний чай, и молча указал мне на стул напротив него. Повиновалась.

– Что он сказал? – был его вопрос.

– Сказал явиться тебе... в здание городского Совета в три часа пополудни, – я не смела смотреть ему в глаза. – Герд, я... – хотелось принести извинения.

Увы, если бы они могли мне помочь! У Герда нельзя просить прощения – для этого не следует изначально садиться в лужу.

Он поднялся и отправился в свой кабинет.

– Держи мысли при себе, Кая, – сухо вывел он.

Он ушел, оставив после себя чувство стыда и горечи. Я стояла посреди столовой, как истукан, даже не зная, радоваться мне или печалиться. Мальва, держа в руках стопку грязных тарелок, сочувственно смотрела мне в лицо.

– Девочка моя, с ней все будет в порядке.

Я кивнула в знак благодарности. Мальва врать не умела – и я чуяла: это путешествие весьма опасно для Кары.

Уставшая, разбитая, опустошенная, я поднялась к себе в комнату. Здесь, в этом доме, у меня не просто свой угол – как то было у тетки – но четыре стены, в которых можно запереться и отгородиться от внешнего мира на несколько часов. Матрацы на постелях набиты ароматными травами, а не жестким сеном, оттого и спать много приятней. Теперь синтепоновые матрицы могут себе позволить лишь жители Метрополя; нам, рабочим крестьянам неведома подобная роскошь. Зато пледы грубой вязки Мальва сотворила собственными руками: у каждого был свой особый узор – что-то вроде древних вышиваний времена «Земли под белыми крыльями». Так называли нашу родину прародители.

Ной лепил из глины кухонную утварь и забавные фигурки – на Рождество и Пасху; для меня он сотворил фигурку волка – как символ провинции, в которой родилась.

Но я слишком устала, чтобы предаваться воспоминаниям. Едва коснувшись постели, я поняла, как сильно мое тело утомлено и жаждало отдыха. Однако рука наткнулась на сложенный лист бумаги, и любопытство пересилило сон.

На задней площадке, за хлевом, Киану рубил дрова. Он мог это делать только ночью, когда стражи порядка спали на своих постах. Дом и сама Долина находилась все же в опасной близости от границы и ее охранников.

Впервые за долгие годы – кои отличались особым непримирением с общественностью – мне не хотелось топить свое горе в темном, беспросветном одиночестве. Пусть хоть кто-то помог бы пережить эту ночь, далее бы старалась справиться сама. К Герду не подступишься, не после того, что натворила; Ной рано отходит ко сну, как и Мальва, незачем их тревожить понапрасну; Орли вовсе не выносят моей физиономии; к Натаниэлю с Руни не стоит соваться – вечно у них распри личного фронта. Остался только Киану. одинокий, как волк, но не потерянный. Вот уж кто сохранит мои терзания.

Недолго думая, спустилась к нему. Стояла крошечная тьма беззвездной ночи – и пальцев рук не разглядишь.

– Странно, что Герд не вздул тебя, как следует, – бросил напарник.

Я устроилась на старой сбитой лаве и подтянула под себя ноги.

– Лучше молчи, Киану, – уже не было сил с ним препираться.

– Тогда зачем ты пришла, девочка Кая? – усмехнулся он и с силой ударил топором о молодой пенек.

Я опустила глаза.

– Она оставила записку... Она была готова уехать... Почему ты мне не сказал?

Он разрубил половину пня на четыре части.

– Кара сама попросила. Сказала, так будет лучше, – он снова замахнулся. – И еще Герд.

Я фыркнула. Киану расколол надвое тонкий створ и вытер ладонью пот со лба.

– Они не зря опасались, – улыбнулся Киану. – Ты бы взбунтовалась много раньше.

Он принялся собирать дрова и ровно укладывать их под навесом у другой стороны хлева.

Наполовину спрятавшись за углом, продолжил:

– Тебя ведь, девочка, не оттого берегут, что ты младше всех. Сколько тебе? Шестнадцать или семнадцать?

– Восемнадцать.

– Они помалкивают, потому что ты пришла к нам самой последней – но так и не научилась работать в команде. Ущелье воспитало тебя – не Герд.

– Я не понимаю, зачем тетка привела меня к Герду тогда, шесть лет назад.

Киану продолжил носить дрова, но ничего не ответил. Когда он закончил, то вылил на себя ведро воды, взял полотенце, подошел к лаве. С груди его скатывались крупные капли чистой горной воды и падали на ночную землю. Воздух настыл, его ночная прохлада вселяла какое-то благоразумие, а не толкала на буйство.

– Где она будет жить? – я вертела в руках записку.

– Герд нашел ей милую квартирку рядом...

– Рядом с чем? – вдруг я насторожилась.

– Недалеко от ее работы, – Киану снял с шеи полотенце и присел рядом.

– Какой еще работой?

– Герд устроил ее секретарем в Министерстве Иностранных Дел.

– Да он с ума сошел!

– Чш! – шикнул Киану, и брови его сошлись на переносице. – Я не должен был этого говорить.

– Ну разумеется.

– Там пригретое местечко, Кая. Почему бы нет?

– Но ведь скоро выборы. Она может попасть под удар. Периферийные интеллектуалы у них на особом счету. Я уже не говорю о новичках...

– Герд вложил в нее слишком много. Она справится.

Я заглянула ему в глаза: он и правда верил собственным словам.

– Комитет знает слишком много. Она – беззаконница.

– Герд достал паспорт.

– Ах, Герд, этот вездесущий Герд! Что за цели он преследует, посылая лучших в логово волков?

– Не кипятись, девочка.

Наш разговор мог продолжаться бесконечно, но мы оба слишком устали. В такие моменты я чувствовала к нему тонкую, особую привязанность. Мы даже могли ладить, ведь он умело хранил мои секреты, преимущественно те, коим становился невольным свидетелем лично.

– Она была нашей Единицей, Кая, – глядя в темноту, серьезно произнес Киану, – она – воплощение Герда. Она справится. Эта миссия для таких, как она – для избранных.

8

Герд потащил меня с собой. Он предвидел все, что произойдет, это был мне урок, тест на выживание.

Никогда прежде мне не доводилось переступать порог здания Городского Совета. Это – центр Волчьего Ущелья, нашей Седьмой провинции. Оно растянулось на холму, как прямая желтая лента, как чистилище. Оно несло в своих стенах интересы государства и, прежде всего, нашего Правителя. В тот день произошло многое.

К нам приставили некоего провожатого, очевидно, очередного приспешника Метрополя.

Я не знала, в какой кабинет нам надлежало зайти, но часы уже показывали десять минут четвертого; собрание явно затянулось. В типично конторской тишине работал телевизор. Он висел в углу, как инородный объект в этом городе – никто из граждан не мог позволить себе такую роскошь. Бона с Муном еще знавали иные времена, но под тяготами распрощались со всем, что когда-то имели их отцы.

Я таращилась в этот плоско-надменный ящик, удивляясь, что кто-то в Ущелье еще смотрит новости. После очередного выпуска, где сладкоголосая блондинка сообщала о стабильности Метрополя, включили рекламу туристической компании. Я усмехнулась, глядя на здоровые, загорелые тела молодого человека и девушки, чьи уложенные волосы развевал ветер, а ухоженные пальчики рук держали стаканы со свежавыжатым соком. Я снова усмехнулась. Герд покосился на меня. Улыбался он редко, но порой его глаза излучали нечто похожее на веселье. Он меня понимал. Он понимал всю нелепость положения.

– Спонсор нашей программы – «Сан Трэвэл». «Сан Трэвэл» – пусть солнце улыбнется вам!

Эпичные ноты дешевой композиции завершили это издевательство. Улыбки моделей погасли, и началась какая-то передача. Мелькавшие кадры напоминали видеодневники... избирательной кампании. За все годы жизни и прошедших выборов, правительство впервые так активно задействовало телевидение. Я не могла не смотреть на это лицемерие – уж слишком велико оказалось любопытство.

Следуя солидарному канону «дамы вперед», на экране возникла женщина. Первый кандидат Леда Лумир, сорок семь лет, магистр психологии. Практиковалась в Комитете Национальной Безопасности, но является сторонницей либерализма. Активистка движения «Говори правду!». Мать двоих детей.

Второй кандидат – Рамун Торе, пятьдесят два года, три высших образования, в том числе военное. Полковник запаса. Создатель демократической партии Белой Земли. Женат. Двое детей. Старший сын учится в одной из Европейских столиц.

Третий кандидат – Матис Гонболь, действующий президент, пятьдесят пять лет. Высшее образование педагога, факультет истории. Шестое выдвижение в лидеры за двадцать пять лет. Старший сын – член Государственной Думы и Министр Энергетики, средний – Председатель Комитета Национальной Безопасности, младший – преемник отца.

Что они обещают? Равенство, правду, свободу. А что еще они могут сказать?

Каждого кандидата показывают отдельно. Они улыбаются и дружелюбно машут руками; а я чувствую только злобу, растущую где-то в районе легких. На экране появляется Герб Белой Земли и слышатся вступительные ноты гимна. Вырванные видеокартинки сменяют один другой. Это люди семи провинций. Они положили руки на сердца и с самозабвением напевали слова:

Мы – люди чистой земли,

*Мы – мирные жители Белой страны.
И бьются сердца ради крыльев небес,
Что приведут нас к миру чудес.*

*Стань вечной, земля наших предков,
Славься светлое имя страны.
Трудитесь, союзы квиритов!
Трудитесь во имя Балкревии!*

*Дружба народов есть сила Отчизны,
Мы следуем этой дорогой всегда.
Семьи живут во имя свободы,
Цвети, родная моя Страна!*

Хор скрипок умолк. Флаг из трех равных полос – красной, желтой, белой – растворился в черноте экрана. Началось низкоинтеллектуальное ток-шоу.

Как будто меня окунули в Союзные времена – времена Сталина и Ленина. Здесь все сквозило социализмом, из которого и родилась наша собственная система.

– Почему «Балкревия»? – спросила у Герда.

– Старое название. Еще до Союза.

Еще несколько минут мы стояли в молчании, напротив помпезных дверей тяжелого дуба, прежде чем часовые их распахнули. Группа высокопоставленных лиц покидала круглый стол, поправляя свои фешенебельные галстуки и манжеты. В руках многие несли кейсы или кожаные портмоне. Впрочем, лица их не блистали задатками интеллекта.

Капитан жестом подозвал нас к себе. Видимо, он восседал в центре недавней процессии.

– Прошу оставить нас одних, – эхо голоса разнеслось по огромному залу с высокими расписными потолками.

Лицо капитана сосредоточилось на моем; он внимательно вглядывался в каждую клеточку моего существа, будто выискивал нечто, ему необходимое.

Я попробовала вообразить себе, какого это: жить так, как описывается в старых книгах, привезенных из Европы нашими далекими предками? Какого спать на пуховых перинах, есть серебряными ложками и носить изысканные туалеты? Нет уж, моего воображения не хватает, чтобы увидеть нечто большее, чем то, что видела все эти годы.

Я уловила в воздухе запах одеколона – весьма приятного и наверняка чудовищного дорожного. Что заставило этого капитана ступить на этот скользкий путь служения Правителю? Сделка с совестью?

– Вчера мне довелось стать невольным свидетелем уличных разборок, не так ли? – он снова взглянул на меня и продолжил расхаживать взад-вперед. У меня рябило в глазах от зеленой обивки бархатных кресел. – Проявлялось явное неподчинение закону Правительства. Согласно установленному порядку, мятежники обязаны добровольно трудиться во благо государства в течении десяти дней и еще двадцать провести в условном заключении, где также обязуются выполнять некоторые общественные работы. – Я уставилась в окно – это песню мы все знали наизусть, ничего нового она не сулила. – Однако накануне вы предложили мне весьма достойную замену, – он уставился на Герда, – в лице талантливой преемницы Штарк, – он порылся в каких-то документах и извлек белый лист. – Кара Штарк – самородок, владеющий тремя языками и наукой секретариата. – Пораженная до самых глубин сознания, я пыталась заставить себя не смотреть на Герда. События не были синхронны, и отъезд Кары никак не мог быть связан с моим проступком. – Я вызвал вас, чтобы сообщить вам именно это. Народ пытлив. Он задает вопросы. Но все очевидно: око за око.

Подташнивало от запаха его одеколона. Хотелось поскорей выйти оттуда.

– Означает ли это нашу свободу? – спросил Герд.

– Разумеется. Я бы мог привлечь... – он сощурился, обращаясь: – как вас зовут?

– Армина.

– Я бы мог привлечь Армину, ибо явился свидетелем ее осведомленности в иных языках...

– Мой немецкий довольно скуден, – не удержалась я.

– И все же он имеет место быть, – время от времени поглядывая на меня, произнес капитан. Теперь у меня рябило в глазах от его выглаженного синего галстука. – Кара ваша сестра?

– Да, – солгала я.

– Поразительная девушка. Просто поразительная... – мямлил капитан. – Прекрасная кандидатура для Метрополя. У вас талантливые воспитанницы, Штарк.

– Благодарю, – сухо ответил тот.

Почему он не назвал нас дочерьми, согласно давно выработанной легенде? Меня насторожили реплики капитана. Он говорил это все не просто так... О, черт нас всех подери! Он комитетник! Почему я не додумалась до этого раньше! Как я могла этого не увидеть?! Я всегда чую комитетников, чую с первого взгляда, с первого вздоха. Комитетников посылают в нашу провинцию много лет, и много лет они рыскают здесь, как ищейки, в поисках несовершенных преступлений.

Они завербовали Кару. Она не могла просто покинуть Ущелье. Более веской и неоспоримой причины не найти. Теперь она одна из них, и виной тому – капитан. Капитан и чертов Герд.

Перехватило в горле.

– А вы, Армина? – он все вглядывался в мое лицо. – Вам знакома этика, знакомства на «вы» в знак уважения... – он нес какую-то чушь, а, может быть, это я сходила с ума, одурманенная запахами этих бесконечных зеленых кресел и его одеколоном.

– А я тебя... Я вас не уважаю, – выпалила я.

Меня жутко мутило, словно опоили зельем. Казалось, что вот-вот рухну прямо на этот роскошный ковер, такой же зеленый, как и все тут кругом.

Мой ответ рассмешил его; зато Герд был в ужасе, я чувствовала, как он ненавидит меня, и как ярость его невидимыми щупальцами подбирается к моему горлу.

Капитан быстро собрал стопку бумаг, поднялся из-за стола и доброжелательно улыбнулся.

– Впредь придерживайтесь закона во имя нашего Правителя, – и быстро покинул помещение через другую дверь.

Тут же там, откуда мы пришли, появился наш провожатый и вывел нас из здания Совета.

Безоблачное небо озаряло солнце – какой парадокс. Только что ты стоял лицом к лицу с комитетником, а сейчас вдыхаешь чистый воздух Ущелья. Не люблю послеобеденное время – оно несет некую смуту и будоражит мысли.

Мы спустились с пригорка, мимолетом любуясь ровно скошенной ярко-зеленой травой и пестрыми клумбами отцветающих цветов. По улице шла старая женщина, держась за руку сына. Она остановилась и подняла свой костыль, глядя на меня. Я испугалась.

– Это ты.

Ее хриплый с сиплостью голос – весьма подобный президентскому – заставил обернуться несколько прохожих.

– Это ты.

– Кто, мама? – спросил сын.

Я попятилась в сторону Герда.

– Ты спасла того мальчика.

– Идем, – Герд схватил меня за локоть и повел в сторону дворов.

Но было поздно. Старушка, точно умалишенная, кричала те заветные слова, а люди собирались кругом или следовали за нами. Герд ускорил шаг, и вскоре мы скрылись в каких-то трущобах. Там почти никого не было: женщины работали в поле, мужчины – на местном заводе или еще где.

– Пожинаем плоды, – сказал Герд, когда мы замедлили шаг, и толпа осталась далеко позади.

– Я знаю, что Кару завербовали.

Он не сразу ответил.

– Киану рассказал?

– Я сама догадалась. Когда рассмотрела этого капитана поближе.

– Он и тебя пытались завербовать.

Остановиться и выяснить отношения с Гердом невозможно; поэтому я продолжила шагать, пытаясь обуздать яростные чувства.

– Ты что, Герд?

– Но ты ясно дала понять, что и под дулом пистолета не станешь на их сторону.

– Все это ради того, чтобы меня завербовать?!

У меня начался истерический смех. В некоторой степени меня и, правда, насмешило происходящее, только всем нам уже много лет не до веселья.

Когда успокоилась, мы уже вышли на равнину и держались железной дороги. Шагать по пустырю довольно опасно, однако едва ли на пути кто-то появится – это вымершая часть города. Совсем рядом Волчий Пустырь.

– Я знаю, Герд: вы от меня что-то скрываете. Мне неизвестно, какие цели ты преследуешь, отправив Кару в Метрополь, но я не такая глупая.

Герд ничего не ответил. Остаток пути мы проделали в полном молчании. Хотела сказать, что капитана и наставника связывает что-то, однако та, кому могла бы доверить свои домыслы, оказалась вдруг слишком далеко.

Я была готова месяц кряду истязать себя, только бы не пережить подобного допроса снова.

9

С того дня я держалась особняком. Совладать с собой оказалось сложнее, нежели взобраться на гору, но ни одна причина более не тревожила моего ума.

На площади воскресным утром собрали граждан и объявили о нововведениях. Правителем допускалась оплата труда через продукты питания. Эквиваленция доказывалась наименее честнейшими выражениями в духе правоподчинения. Несколько граждан, принадлежавшие группировке Сета, выступили вперед, с намерениями недостаточно решительными, чтобы их устрашили или доложили вышестоящим руководителям. Их угнали в сторону тюрьмы на окраине города – исполнять то, о чем нам с Гердом напоминал капитан. Это явилось началом череды событий, следовавших в Ущелье.

Прежде, чем это произошло, я заперла себя в Долине. После тренировок и занятий мы собирали некоторый оставшийся урожай и готовили животных на зиму. Часто меня с Орли и Руни отправляли на дикие поля, где мы до ночи косили сено и собирали его в снопы.

Накануне мы погрузили весь провиант в повозку, и Герд отправился на ярмарку в Шестую провинцию. Руки все еще пахли сеном, и Мальва перетирала травы для чая, когда я вспомнила о минувшем времени и о тетке Боне с Марией. Должно быть, последние несколько дней они отправлялись спать без ужина. Тетке это только на пользу: ее точное тело изрядно влияет на сердце; зато Мария – худощавая юница – обладала чрезмерно слабым, прескверным здоровьем, чтобы недоедать.

Тетка впервые сидела без дела. В доме стоял полумрак, но глаза ее упорно всматривались в какую-то газету. Поразительно только, где она ее достала.

– Бона, вы совсем испортите глаза. Подумайте о Марии. Вы ей нужны. Больше о ней никто не позаботится.

Родительница не обратила на меня никакого внимания – впрочем, как и последние шесть лет. Я выгрузила яйца, несколько куриных крыльев и кой-какие овощи. Некоторое время мы провели в полной тишине – только окна дома Вита настораживающе скрывали нечто невразумительное.

– Они пишут, что Правитель строит новый медицинский центр, где будут лечить детей, – она отложила газету.

– Вранье.

Я немного прибралась на кухонном столе. Затем разложила продукты и часть спустила в подвал. Здесь, под покровом тьмы, хранилось охотничье ружье мужа тетки. Каким-то чудом Муну удалось скрыть его от властей, когда лет тридцать назад стражи врывались в дома горожан и обыскивали каждый угол их жилищ. Стояла угроза Третьей мировой войны, соседи Белой Земли ополчились друг против друга. Жители Окраины подняли восстание – и население разделилось на два лагеря. Правитель, опасаясь свержения собственной власти и бунта по всей стране, приказал изъять оружие, дабы избежать печального опыта соседствующих государств. Мун рассказывал, он был еще слишком молод, чтобы иметь дело с оружием, но, впрочем, в Ущелье, как и во многих других рабочих провинциях, взростеть приходилось куда ранее мнимого срока.

Хорошо, что у них есть оружие. Я не всегда рядом, а опасность всегда близко.

– Что ты там копошишься? – злилась тетка.

Я прикрыла холщом ружье и подтолкнула банки с пулями еще дальше, в крошечную тьму.

– Шнурок развязался, – солгала, закрывая подвал и кладя поверх неимоверно старую половицу. – Мария знает об оружии?

– Нет. Рано еще. Незачем ей об этом знать.

Тетка ополоснула руки и принялась растапливать печь. Сколько здесь жила, стены всегда настывшие, холод пробирает до самых костей, а Мария мучается насморком.

– Где она?

– Ушла к Виту. Ему нужна помощь.

– Что там? – в голове сразу же всплыли воспоминания о бесчестном капитане и бледное, испуганное лицо юноши.

Тетка что-то сказала про отца Вита, Артура, но я уже выскочила на улицу и мчалась к дверям его дома. Отперла его младшая сестренка.

– Ми, детка, где твой брат?

Малышка достала изо рта грязный пальчик и указала за ширму. Там царила настораживающая тишина. Я откинула простыню. Мария прикладывала к голове Сфорцы мокрую тряпку. Полуживой вид матери семейства внушал опасение. Вит в стороне кипятил настойку и искал какие-то добавки меж пузырьков да баночек. Их средний ребенок, мальчик по имени Али, с недетской скованностью застыл в положении полусидя, и огромными глазами рассматривал родительницу.

Я подошла к нему и велела присмотреть за Ми.

– Она такая маленькая и совсем не боится. Ты должен быть храбрым и защищать слабых. Сделаешь это?

Он разомкнул руки и попытался совладать с собой. Через несколько минут они с сестрой развлекали себя какой-то доморощенной настольной игрой, вроде той, где фишки вырезаются из коры, куска дерева или лепятся из глины.

И только сейчас я обратила внимание, что в доме стоит непривычная тишина, та, что никогда не бывает в доме с множеством детишек. Они были напуганы. В стране царила разруха, и каждый день сотни горожан Белой Земли умирали от голода или нехватки медикаментов. Не каждый готов столкнуться с потерей. Мы – поколение, вырванное из цивилизации двадцатью годами. Здесь работает естественный отбор, но разум ищут спасения.

Рукой поправила протертый плед в ногах Сфорцы и присела рядом.

– Отца унесли с мелового рудника. Он в доме Сета. Я должен туда идти.

– Я присмотрю за ней, – кротко ответила Мария.

Она довольно ловко справлялась с примочками. Должно быть, Вит дал ей кой-какие указания до моего прихода.

– Спасибо, – парень был расстроен, и подавленность его духа контрастом бросалась в глаза.

– Вит, я иду с тобой, – сказала я.

Он благодарственно посмотрел в глаза. Высидеть здесь мне не удастся, а Сфорца видеть меня не должна.

Сет обитает в халупе у самых ворот, что ведут к рудникам. Мы добрались туда совсем скоро, только я все время оглядывалась по сторонам, опасаясь попасться на глаза стражам. Никогда не знаешь, когда они устроят очередной досмотр городских улиц. Поднимался ветер. Я запахнула ветровку – пора одеваться потеплей. Какой-то мальчик смотрел в окно и указывал на нас пальцем, но никому не было до него дела. Измученная голодом и работой мать подошла к окну, оттолкнула ребенка в глубь дома и закрыла деревянные ставни, кидая злые взгляды. Местная старуха, славившаяся умением предсказывать будущее, почти до самой халупы не сводила с нас глаз. Ее фигура в темноте казалась корягой дерева. Я подумала о том, что мы все растворяемся в годах собственного существования, пока не превращаемся в пепел.

Вит осторожно отпер скрипучую дверь. Нас встретила тьма и затхлость жилища одинокого человека.

– О нет, – протянул Вит и ударил кулаком по косяку.

– Вит, что это значит?

– Армина, лучше тебе возвратиться к себе.

– Почему? – я развернула его к себе. – Где твой отец? Он жив?

– Жив.

Он не договаривал. Я чуяла, ведь меня учил этому Герд. Он знал, кода ему лгут, но я не отличалась подобной способностью. Но Вита я знала слишком долго, чтобы не заметить этого.

– Никто не должен знать, Армина, и особенно моя семья. Я знаю твою тайну, ты узнаешь мою.

Он поел меня дальше, в сторону горы. После Кровавого Восстания двадцать пять лет назад здесь случился обвал, и некоторое дома и малые фермы оказались под обломками скалы. Погибли люди. Их тела извлекли, но дома так и остались в немой изоляции. Хм, многие из нас ошибались. Среди обвалов виднелись доски и кирпичи, чей-то ботинок, почти слившийся с грязью и лужами. Вит вел меня через валуны, а я все опасалась, как бы снова не случился обвал. Но вскоре до нас стали доноситься голоса. Они спорили. Кто-то стучал кулаками о дерево. Затем знакомый голос эхом произносил подобие монолога.

В самой глубине этого дикого места скала наполовину скрывала некогда прекрасный фермерский дом. Окна там были заколочены, но сквозь щели сочился теплый свет, и там обитало незнакомое сборище.

Мы ни на секунду не остановились; Вит был полон решимости. Он отпер дверь. Внутри царил беспорядок. В центр составили все столы, стулья и лавы, но люди, будто страшась показывать свои лица вблизи, разбрелись по просторной комнате и кричали что-то остальным. На самом видном месте восседал Сет – кажется, за те недели, что я его не видела, он стал еще тоньше, совсем тростинка. Еще чуть-чуть, и кончиком пальца его можно будет сломать пополам. Лица прочих мужчин – это были почти все мужчины – оказались знакомы. Я знала их судьбы, семьи, болезни и особые навыки. Среди них затесалась Лия – молодая жена Лурка – редкостная красавица и бесценный источник необходимых идей. Это она в прошлом году плюнула в лицо председателю Городского Совета, и это она выдержала последующие побои. О ней ходили легенды, ее смелость воспевалась несуразными фольклорными песенками, но для многих ее фанатичный либерализм оставался недостижимым воображением. Пылкость ее действий виделась чрезмерно страстной, и, быть может, оттого лишенная должного успеха.

Она разговаривала с Лурком и стариком Тао. Двое братьев, живущих недалеко от нас, не могли унять спора. Юный мальчишка по прозвищу Док заливал себе в глотку крепленую настойку, и был уже довольно пьян. Киану рассказывал, этот парень неплохо разбирался в химических веществах и их соединениях и мог запросто смастерить бомбу из камня, песка и листа лопуха. Подобное давным-давно стало в народе притчей во языцех, тем не менее таланта никто не отменял.

Средь всей этой бесцельной потасовки я столкнулась глазами с отцом Вита – лицо его, как и весь он сам, оказалось перепачкано мелом и белой пылью. И в эту секунду кто-то прогремел:

– Какого черта, Сет?! Ты сдал нас властям?

10

С каждой секундой все затихали. Я таращилась на отца Вита, дивясь приткности его движений и бодрости духа. А в доме стоит почти траур. Горячая голова! У него трое детей, а он выкидывает свои шуточки!

– Сет, что тут делают дети? Метрополь теперь посылает таких комитетников?

– Уймись, старый черт. Это мой сын, – Артур подошел к Виту. – Что ты здесь делаешь? Вит не изменился в лице. Его серьезность взывала к благоразумию.

– Хочу задать тот же вопрос. Мама слегла...

– Ах, Сфорца!.. – Артур ударил Вита по плечу, будто бы ища ответной поддержки, но парень остался глух к изъяснениям отца. – Нельзя так переживать. Она должна понимать: мы решаем судьбу Ущелья.

Его самоуверенность и превосходство отталкивали. Стоя плечом к плечу, я чувствовала, как по венам парня бежит праведный гнев.

– Эй, ладно, надеюсь, Артур, твой сын не сдаст нас.

– Не сдаст, дурень. Пей свою отраву – все равно толку с тебя, как с козла молока. Ты пьян, как чертова свинья.

– А что это за девица рядом с ним?

– Лия, душенька, ты ее не знаешь? – в ответ красивое лицо молодой женщины состроило гримасу.

– Эй, замолчите! – сказал Сет, и я похолодела. Вит был прав: незачем мне было соваться в это логово. Герд за это по голове не погладит. – Гор сказал мне, – продолжил Сет, – что она спасла Вита от рук этих живодеров, – он подобрался поближе и ткнул в мою сторону пальцем. – Это так?

– Я не сделал ничего из того, чего не сделали бы вы все, будь на моем месте.

– Э, нет. Гор рассказал мне, как все это было. Мамаши окружили вас, юнцы, которым бы в пору в армии послужить, от трусости к мамкам своим под юбки спрятались. И это наша нация, и это наши сыновья, господа! Позор! И кто же спас нашего храброго героя? Никто иной, как эта девчонка! – Кто-то издал военный клич. Руки их взмыли в воздух. Все победно закричали. – Наш человек, – одобрительно похлопал по плечу Сет. – Откуда ты? Я тебя раньше здесь не видел.

– Эй, Сет, она из Третьей силы.

Я посмотрела на одного из братьев, кто это сказал.

– Что за Третья сила?

Ответил мне тот юнец, монтирующий бомбы; его пьяные глаза рассматривали меня почти с таким же пристрастием, как это делал капитан.

– Это не власть, но это и не народ. Враг и тем, и другим.

Я усмехнулась, и все сразу же поняли, что я не принадлежу мифическому направлению.

– Враг один, и это – власть, – сказала я.

Старик Тао с кружкой поила заорал и ляснул кулаком по столу. Все дружно поддержали. Дикое сборище.

Мы с Витом усадились недалеко друг от друга. Он пытался поговорить с отцом, но на повестке дня собрания стояли куда более важные вопросы. Сет рассказывал по комнате и довольно убедительно разглагольствовал.

– Раз здесь все свои, опасаться нечего.

– Так вы будете читать листовку или нет? – закричал один из братьев.

– Да, давай уже! Читай!

Он достал тонкий газетный лист, на котором с двух сторон печатались небольшие статьи. Действие народных группировок-партизанов, не иначе.

– Слушайте!

«2050 год, Белая Земля.

Решил я летом съездить в гости к родственникам за пределы родины, было глупо этим не воспользоваться: я же ещё в прошлом году оплатил налог на лето на два года вперёд. Денег у меня не было, ибо я безработный плательщик налога на тунеядство, посему решил одолжить у друга. У меня целых три товарища! На самом деле больше, но в этом квартале я заплатил налог на дружбу только на три персоны. Друг согласился, и я с радостью отправился в банк оплачивать налог на долг, где у меня взяли комиссионный сбор в двадцать процентов. Итак, в руках оказалась определённая сумма в иностранной валюте. Я решил не платить налог на владение иностранной валютой и очень об этом пожалел, поскольку позже заплатил штраф за неуплату этого налога.

Надо ехать на вокзал, брать билеты на поезд. Добрался я пешком, заплатив тротуарный сбор. Очередей в кассы у нас не бывает, т.к. Правительство решило, что очереди – это плохо и ввело заградительные пошлины на очередь. Купив билет до Метрополя, я его перепроверил, ведь в стоимость билета должны быть включены все пошлины, налоги и сборы; самое главное, чтобы был уплачен сбор на рельсы, иначе могут высадить в лесу. Нет, я не боюсь волков или остаться один посреди пути, просто у нас есть налог на посещение леса, а он для меня неподъёмный.

Ура! Я в Метрополе, хожу по министерствам собираю справки, разрешения, заявления и т.п. для выезда за границу. Главное не запутаться, сколько и кому заплатить госпошлин. Иностранное посольство почему-то отменило визовый сбор для наших граждан, и визы начали давать в день обращения. Что за бесхозяйственность и расхлябанность, подумал я. Заграницу я решил лететь на самолете. Да, дорого, но это был мой последний шанс полетать на самолёте – через полгода вводится налог на воздух. Этот налог будет применён как к людям, вдыхающим воздух, так и к технике, которая для работы его потребляет. Но на этом буду завершать своё письмо, ибо на передачу как устной, так и письменной информации у нас тоже имеется свой налог».

Во время чтения все падали со смеху под лавки, вспоминали кто молодость, кто детство, когда времена еще стояли несколько иные. По окончании раздались бурные аплодисменты и посыпались комментарии:

– Кто этот талант? Дайте его сюда! Расцелую!

– Отлично подмечено!

– Такое бы письмо да самому Правителю!

– Ну в точку! В точку!

– Вот же чертов сукин сын! Как тонко, мать его, как тонко!..

И смех. Всюду стоял искренний, громкий, безудержный смех. Смех простых крестьян, кто только и знает, что напиться после работы да посмеяться с подпольной газетенки.

– Ну, хватит, хватит, товарищи! Пора и честь знать! Дело-то важное. На чем мы остановились?

– На новом налоге, – подсказала Лия.

– Вы слышите, псы подворотные? Налоги обсуждаем!

– Нам надоело! – ревел кто-то в толпе.

– Знаю я вас, шакалы! Слушайте меня! Я думаю, мы терпели достаточно, чтобы поднять бунт. Сколько минуло лет с тех пор, как наши отцы пытались что-то изменить? Двадцать пять лет. Вы слышите меня? Двадцать! Пять! Лет! Теперь настала наша очередь постоять за наши

семьи и детей, жен, дома и свои права. Наши отцы потерпели неудачу, но теперь мы, иное поколение, просто обязаны возвратить *нашу* землю, *наши* жизни. Мы должны сказать им, что мы такие же люди, как все они – все те, кто спит на пуховых перинах и ест из гребаной серебряной посуды. Мы должны сказать им, что мы не рабы. Мы люди, из той же плоти и крови, и мы хотим жить, а не выживать. Постепенно, спустя долгие годы, у нас отнимали все: сначала свободу слова, затем деньги, обесценили наше рабочее время, запретили покидать государство, беженцев возвращали с позором... И теперь у нас не осталось ничего – кроме семей и веры. Мы не обязаны умирать от безысходности. Но единственный способ донести до них эту мысль – устроить забастовку! Наш мел, глина, цемент – все, что мы производим – бесценно для Метрополя. Наши горы – это не только наш хлеб, но и наше укрытие. Мы должны взбунтоваться снова, мы должны сказать им...

– Да!

– Да!

– Верно! – кричали люди.

– Хватит молчать! – подхватывали с галерок.

Говорил Сет более, чем убедительно. Помощник редактора в ранней юности, красноречия ему оказывалось не занимать. С годами знания притупились, и утратились нужные слова да обороты, но того чувства, с каким он вел людей, оказывалось вполне достаточно, чтобы именоваться бравым лидером.

– Нам нужен план, – произнес Лурк в общем гуле разъяренных голосов.

– Да! У меня есть план!

– Вит, – я дернула его за рукав, – Вит, они не могут... – я посмотрела на него.

Его бедную голову занимало теперь два вопроса. Сет продолжил:

– Слушайте все! Вы должны передать всем те, кто согласен бороться за свободу, всем тем, кому небезразлично наше будущее и кто хочет жить! Пусть те, кто вас послушается, не устрасаться иного исхода, пусть они идут до конца, борясь со всем, что предстоит. Сограждане, это только начало! Помните, дети мои, это только начало! Завтра утром мы отправимся на работу, как и всегда. Мы будем вести себя, как и всегда. Но когда нам велят работать – мы ничего не станем делать. Мы соберемся вместе – воедино! – и попросим нас выслушать. Мы не должны вести враждебно. Мы всего лишь хотим диалога, понимаете? Никакой агрессии, зарубите себе это на носу. Говорить стану я.

– А если они не послушают? – спросил Лурк.

– Мы не приступим к работе. Вы должны понять: мы идем за диалогом, за мирным диалогом, за переговорами – не больше. И мы не уйдем без этого, всем понятно? Если мы сдадимся, прося диалога – чего вообще мы тогда стоим?

С каждым словом речь его приобретала неудержимую пылкость. Он распалялся все больше и больше, пока остальные не заразились его идеей окончательно, точно смертоносной холерой. Они все – отчаянные безумцы – заглядывали ему в рот, начинали вторить, одобрительно кричать, бить кулаками и топтать ногами. Еще немного – и они бы взяли дубинки и отправились в бойню.

Но Сет казался сообразительным лидером. Движением рук он усмирил зародившееся пламя, оставив огонь гореть до нужного часа.

– Помните: никакой агрессии. Оповестите всех, кто готов бороться, и не принуждайте тех, кем владеет страх. И да пребудет с нами Господь! И да поможет нам Его священная рука!

– Армина?

– Вит, они не могут этого сделать! – перекикивая поднявшийся шум, повторила я. – Их убьют, ты же знаешь. Власти не будут церемониться. Не то время. То время давно прошло. А твой отец... неужели и он участвует во всем этом?

– Армина, – устало протянул он, – они много лет искали повод, но каждый раз что-то от них ускользало. Они не упустят эту возможность, – он задумался, смотря куда-то мимо облезлых стен. – Если не они, то кто?

– Я ушам своим не верю, – резко поднялась и отправилась к Сету. – Сет, ты не можешь повести этих людей на погибель, – он зорко на меня глянул. – Сет, у них есть семьи. Дети, – я смотрела в его выцветшие глаза, многодневную щетину, усталое лицо – и пыталась взывать здравому смыслу. – Сет, это не вернет тебе твою собственную. Ты меня слышишь? – в те секунды, сквозь крики и буйства самых обычных граждан я осознала, что его рассудок канул в небытие вместе с погибшим сыном и женой, уничтоженной властью Правителя.

– Я не веду их на смерть, – отстраненно ответил Сет, раненый упоминанием семьи. – Они идут добровольно.

Рядом стоял Лурк с женой; еще несколько человек стали обращаться лицами к нашему диалогу.

– Сет, все это гораздо больше, чем просто бунт. Вы разжигаете ненависть. Сет, опомнись: чтобы остаться в живых, нужно гораздо больше, чем смелость. Вас избьют, а потом отправят на каторжные работы. И это в лучшем случае.

– Ты, что же, предлагаешь нам молчать? – спросил Лурк. – Мы всю жизнь молчали! Наши отцы успели отоспаться в могилах и вновь возродиться, пока мы тут слушали обещания власти. Пора дать слово народу! Ты видела, как они живут там, в Метрополе? Подошвы их ботинок покрыты золотом. Им доставляют сыр из Пятой провинции и упаковывают в чертовы коробки с бантиками! Они каждый день выбрасывают тонны пищи, техники, мебели – просто потому, что им это надоело. Им, видите ли, это не нравится. А у нас каждый день умирает с десяток человек от голода и болезней! И это только в Ущелье! А что твориться по всей провинции? А в других рабочих провинциях?! Мы больше не будем молчать! Довольно!

Снова все разразилось военными кличами и криками. Мои слова казались незрелыми и глупыми. Их было мало, чтобы убедить эту толпу отказаться от задуманного. В сердцах они смеялись.

– Я не предлагаю вам молчать – или сдаться. Но вы должны подумать о семьях. Что будет с ними, если вы однажды не вернетесь? Вы обрекаете их на погибель, куда более страшную, чем будет ваша.

– Армина, – Вит меня одернул, но я вырвалась и продолжила.

– Нет, Вит, я должна сказать. Стратегия не строится обсуждениями в пьяном угаре. Это все гораздо сложнее. Вы идете на переговоры, но вы не готовитесь к смерти, а ведь ваш противник не играет по тем же правилам, что и вы. Наш общий враг бесчестен и коварен. Есть ли у вас оружие? Нет? А у них – да! И они выстрелят, не подумав о ценности человеческой жизни. Вы к этому готовы? Вы готовы умереть?

Я остановилась внезапно и чуть не задохнулась от потока воздуха, ворвавшегося в легкие. Во всем помещении стояла диковинная тишина, а последние слова, сорвавшиеся с губ, повисли в воздухе ледяными осколками. Меня слушали все, но в глаза я смотрела только Сету.

– Откуда ты пришла, девочка? – спросил Артур. – Мне кажется, я уже слышал подобные слова лет десять назад...

– Да прекрати, Артур!

– Вечно ты со своими бреднями!

– Не суйся!

Я сконфузилась. Произнести правду не имела права. На моих устах стояла печать, которую я должна была охранять ценой собственной жизни.

– Я росла в Ущелье, и я всех вас знаю. Мы все принадлежим этим скалам. Но я хочу предостеречь вас. Вы не можете совершить все так просто.

– Мы готовы, – спокойно сказал Лурк.

– Мы живем в страхе много лет, – вступилась поразительно степенная Лия. – Пора с этим что-то делать.

– Армина, не нужно... – прошептал Вит и положил мне руку на локоть.

– Артур, – я повернулась к отцу Вита, – ваша семья... она знает, что много лет вы собирались выступить против власти?

– Армина, – голос Вита стал строже.

– Вит, они идут на смерть, – я обозлилась.

– Мы идем на переговоры, – поправил Сет.

Я была девчонкой, они – зрелыми мужьями Седьмой провинции. Военные стратегии были мне знакомы из теории, они – воплощали все в действие. Я им не ровня. И они никогда не станут слушать труса.

Да, я трусила. Но отказывалась это признавать, прикрываясь здравым смыслом.

– Сет, революции нужны массы. Вы собираетесь изменить мир кучкой дилетантов? Вы падете.

– Все лучше, чем гнить в руках Метрополя и петь под дудку Матиса, – произнес один из братьев.

Я села на лавку и попыталась совладать с собственными мыслями. Нет, у меня не укладывалось в голове то, что они собирались подвергать себя опасности. Мы видели слишком много смертей и разрушенных судеб, чтобы позволить случаться этому снова и снова. Настали иные времена. Наши прародители явились свидетелями начала тоталитаризма, но мы, их пращур, казалось, все еще помнили из своих прошлых жизней о той сладкой свободе и эфемерной демократии, о которой пели старые истории. Мы те, кто видит два мира, и кто может сделать выбор.

Я безнадежная трусиха – и всегда была, – но не позволю своему народу сгинуть в руках власти.

Поднялась со скамьи и заметила, что многие начали расходиться.

– Кто скомуниздил мою шапку? – ревел старик Тао. Иного варианта разговора он не ведал. – У меня уши воспаляются! Я кого спрашиваю: кто скомуниздил мою шапку?!

– Да вот же она, завалилась под лавку, – один из братьев помог достать потерянную вещь. – Внимательней будьте.

– Поговори мне еще, сосунок, – опираясь на дубовую кривую трость, бурчал старик. – Еще от мамки не отлип, а уже советы раздаешь. Да я тебе в деда гожусь!

– Да оставь ты его. Он выпил сегодня больше рыбы, – сказал другой брат.

Вит беседовал с отцом, но я выскочила на улицу и отправилась через поле к границе.

11

– Где ты была? – Киану, казалось, нервничал.

Мы столкнулись на входе в Долину, где он ощипывал тушку курицы.

– Где Герд? Он вернулся?

– Да, но к нему лучше не соваться с серьезными вопросами, – Киану с подозрением меня осматривал. – Что опять случилось? Ты здорова?

Я кивнула.

– Извини, Киану, надо идти.

Я всегда делилась с ним мыслями, пусть порой мы и ненавидели друг друга, но я пообещала себе рассказать ему обо всем позже. Сейчас не время.

Побежала скорей к дому. Запыхавшись, взлетела по лестнице и истерично завопила:

– Герд? Герд, где ты?

Я рыскала по полупустым комнатам, пока не услышала какие-то стоны. Они доносились сверху и, казалось, кого-то резали живьем. С ужасом, гуляющим по венам вместо крови, поднялась на второй этаж и заглянула к источнику звука.

Герд лежал на постели, раскинув могучие руки. Из плеча сочилась кровь. Вся рука обложена тряпками. Орли согнулась над всем этим и, судя по напряженности позы, уже не один час орудовала тонкими щипцами; Мальва возилась с примочками.

Орли сделала движение – и Герд даже согнул ноги от боли. Я сжала веки и приказала себе не трусить.

– Давай, Орли, ты сможешь, – надрывно произнес наставник удивительно трезвым голосом.

Мальва заметила меня, стоящую в дверях, и жестом подозвала. Мы молча смочили несколько лоскутов в настое трав-антисептиков и омыли несколько незначительных ран. Я налила в стакан крепкую настойку на спирту, приподняла голову Герда, чтобы немного облегчить его муки.

Орли вытерла со лба пот – бедняга, как и все мы, еще не подготовлена к настоящим ранам. Я старалась не смотреть на то, откуда сочилась кровь. По-настоящему никто из нас, кроме Герда, не владел искусством врачевания. Не хватало Вита с его недюжими для шестнадцати лет познаниями.

Мальва вытерла испарину со лба Герда.

– Давай, Орли, – подбодрила женщина.

Орли собралась с духом – до чего же тяжело ей это далось! – и подсела еще ближе к ране. Пара ловких движений – и на пол что-то упало. Пуля. Герда ранили выстрелом.

– Кая, помоги, – Орли устало протянула мне иглу.

– Я... – пожалуйста, только не зашивать рану, молилась про себя.

– Давай, – лицо Орли выражало такую вселенскую усталость, будто она пережила несколько жизней.

Я не посмела отказать в помощи, лишь ссылаясь на собственный страх. Пора мне было завязывать со всем этим и взрослеть. Я взяла иглу и заняла место Орли. Насколько хватало скудных знаний, рана хоть и глубокая, но не опасная – важные артерии или крупные сосуды не задеты; большая удача. Я старалась думать о чем-то, кроме запаха крови, беспощадно бьющего в ноздри, и вида разорванной плоти, вызывающей тошноту. Благо, много часов во рту не было и маковой росинки. Еще один шок, еще два... Наконец, выдохнула.

Мальва быстро сменила меня на посту. Пока я мыла руки, она омывала рану; мы все это время молчали – даже Герд не проронил слова. В эти минуты для нас всех его не существовало – была только рана.

Скоро все закончилось, но я не спешила покинуть комнату. Мальва отправилась за бульоном, Орли исчезла. Не лучший момент для разговоров, но этого никто не спрашивал. Молчание могло стоить слишком дорого.

– Мы разобрали повозку, – в дверях появился Киану.

Он быстро отыскал себе место. Герд не хотел этого признавать, но после отъезда Кары Киану стал тем, с кем он теперь делился некоторыми планами. Что ж, пусть они оба услышат.

Глядя на непривычно ослабшего наставника – нашего могучего, как скала, предводителя – и непревзойденного самодура Киану, в сердце вдруг зародилось нечто сродни симпатии. Любила ли я их? Едва ли. Уж слишком сильными были они, а сила эта, точно невидимый щит, мешала им быть теми, кого я действительно смогла бы полюбить.

– Кто это сделал? – прервал мысли Киану.

Герд кинул на меня взгляд, но, видимо, недавно пережитые события нарисовали на лице некое выражение, не позволившее ему выпроводить меня за дверь.

– Это был вооруженный бунт.

Я встала и сменила ему повязку. Затем вновь принялась омывать раны, которые все еще кровоточили.

– Герд, я должна сказать кое-что, – не поднимала взгляд и не отвлекалась от работы. – Сегодня я видела Сета и его... сборище.

– Где ты ошиваешься, Кая?

– Так получилось, Киану, – подняла на него глаза, давая понять, что лучше меня сейчас не трогать. – Завтра они собираются устроить забастовку на заводе.

– Как это понимать? – Киану был также несдержан, как и непокорен.

– Герд, – села с полотенцем в руках, – ты должен их остановить.

– Дети, это... – он попытался сесть.

В эту минуту вошла Мальва, неся на подносе бульон с хлебом.

– Герд, тебе надо отдыхать, – спокойно, как и всегда, напомнила женщина – единственное здравомыслящее существо в этом доме, чей разум не затуманен бренными страстями.

– Кая, Киану, вам тоже пора. Давайте, дети мои, ступайте.

– Мальва, еще несколько слов – и мы уйдем! – взмолилась я, взяв пищу из ее рук. – Принеси одеяло потеплей, пожалуйста.

Женщина что-то бурчала себе под нос, и не без основания. Киану помог сесть Герду, опираясь на подушки; я устроила поднос на ногах. Он был бы не Гердом, если б позволил кому-то кормить себя с ложечки. Морщась от боли, он принялся хлебать бульон.

– Герд, они все погибнут, ты же знаешь.

Он серьезно на нас посмотрел.

– Тебе не следует соваться к Сету, Кая, – спокойно начал он. – На самом деле он со своими людьми безобиден. У них нет оружия и даже собственного места сбора.

– Они были в домах, в которых случились обвалы после Кровавого Восстания. Я видела своими глазами: это отличное место. Сет сказал, они идут на переговоры – так что никакого оружия. Выходит, оно у них может быть, – поймала на себе взгляд Киану. – Да, может быть, я говорю глупость, но дело даже не в этом, – схватила руку Герда. – Герд, ты должен их остановить. Я знаю, ты можешь.

– Кая... – Киану вздохнул и замотал головой, будто все безнадежно.

– Восстали в Пятой провинции. Там была бойня, и я не знаю, кто одержал победу. Люди на грани – их уже ничто не остановит.

Я просто не верила, что он отказывался спасти свой народ.

– Герд, ты отправляешь их...

– Не я их предводитель, Кая, – не забывайся, – строго произнес он. – Я хозяин этого дома, но не правитель Ущелья.

Еще с минуту я сидела молча, пытаясь сознать произошедшее. Тогда я еще не понимала правоты Герда; я злилась, злилась на то, что жила в этом государстве, злилась на бедность, которую видела, на смерть, которая гуляла по улицам с косой и избирательно отнимала тех, кого любили, злилась на безысходность.

А была ли она, эта безысходность? Мне ли, молодой девчонке, было об этом говорить? Без роду, без племени, я жила в огромном доме, под эгидой одного из самого могущественного человека города, пусть многие годы. Что мы его знали, он скрывался в тени. Я была сыта и имела одежду, я трудилась и получала за это плату. В сущности, меня научили довольствоваться меньшим, нежели богатые мира сего – и большим, чем те, кого я видела у Сета.

Так мне ли, черт возьми, было говорить о несчастье?

Я поднялась и вышла из комнаты Герда. К черту все.

12

Думала, что буду мучиться бессонницей, но сон завладел и телом, и разумом, едва голова коснулась подушки. Там, в этих ночных видениях, мелькали лица Орли, Руни, Ноя и Натаниэля... Они что-то говорили, но я не слышала – или не хотела слышать. Голос Сета скрипел, пока не превратился в скрежет. Я вздрогнула и распахнула глаза. Все еще стояла глубокая ночь; разбудил меня Киану. Он водил ногтем по двери, полагая, что не сплю, а теперь пробрался в комнату и уселся на постель.

– Ты что делаешь? – ужасно хотелось спать. И что ему неймется?!

– Все думал о Сете. И о Пятой провинции. И о тебе... Ты что, вообще там делала? В доме Сета?

Протерла глаза и села, однако это не помогло преодолеть усталость. Киану находился прямо передо мной, без рубашки, без футболки или мастерки, в которых мы тренировались, – в скудном ночном свете, лившемся из окна, и красивое лицо его, вопреки действиям, выражало тяжкую усталость.

– Мы думали, отцу Вита нездоровилось, а это оказалось предлогом для очередного собрания.

– Умно.

– Герд что-нибудь говорил? – вертела в руках складки одеяла.

– Сказал, что ты, как всегда, не знаешь своего места.

Горько усмехнулась. Герд прав – он всегда прав.

– Кая, ты же знаешь... – когда он называл меня по имени, это означало высшую степень сочувствия или серьезности.

– Знаю, Киану, – оборвала я. – Мы никто и должны оставаться в тени. Но для чего? Герд так силен – он мог бы изменить многое.

Киану смотрел на меня так, будто знал что-то, чего не знала я. Никогда не любила этот взгляд. Это лишь доказывало мою незначительность в лице остальных, а я хотела, чтобы мне доверяли.

– Киану, пообещай кое-что, – придвинулась ближе.

Уголок его рта пополз вверх. Он скрестил руки и положил их на голову.

– Девочка, твои желания не всегда осуществимы, – насмехается он. – Большинство из них.

– Просто... – опустила голову, – рассказывай мне то, что знаешь. Не держите меня в неведении. Из-за этого я пытаюсь разуть все сама и делаю кучу глупостей. Зачем я вам, если я ничего не знаю и ничего не могу?

На этот раз Киану смотрел на меня так, словно хотел предостеречь – и оказывался не в силах. Его первенство и старшинство вынуждало его чувствовать некую опеку над теми, кто был младше – надо мной. Но в моем восприятии это являлось оскорблением.

– Думаю, новость о Сете, месте их сбора и запланированном восстании весьма ценная информация. Герд точно это отметил.

– Мне кажется, вы все знаете больше, чем говорите – и молчите. Мы много лет занимаемся непонятными тренировками... И эти учения...

– Есть новости от Кары, – прервал он и принялся расхаживать по комнате.

– Какие? – подскочила, но не выбралась из постели.

– Я не должен говорить, ты знаешь правила. Но в общем, я знал, как бы ты хотела что-нибудь услышать от нее, – он достал из спальных брюк лист бумаги, сложенный вчетверо.

Выватила записку и в кромешной тьме быстро пробежала глазами, склоняя лист к окну.

– Откуда ты знаешь, что это она написала? Может, ее давно вычислили и решили поиздеваться над ее приспешниками – то есть, нами.

– Не будь так пессимистична. Дай ей шанс, – он улыбнулся. – Есть одно условие записок: она должна упоминать в них малину.

– Малину? Что за чушь!

– Ее любимая ягода. Это условный знак.

– А если об этом узнают?

– Ты слишком недоверчива.

– А ты недальновиден.

Киану снова усмехнулся – воспоминания былых словесных перепалок.

– Герд сказал ей не писать первое время, по крайней мере, пока ее не примут, как следует, и она не станет своей в том кругу. Но она передала через какого-то поверенного Герда в Пятой провинции. Чистое совпадение. Я должен вернуть эту записку, – с истинно девическим инстинктом я вознамерилась сохранить драгоценное послание. Киану присел совсем рядом и протянул раскрытую ладонь. Я опустила лист. – Видишь, – он спрятал в карман, – с ней все в порядке. У нее милая квартирка у парка с аттракционами...

– Это Министерство Иностранных Дел, Киану, – я съехала на спину и натянула одеяло. – Милая квартирка не спасет ее от комитетников. Эти предатели повсюду.

– Не бурчи, девочка. Есть еще кое-что. Герд узнал, что выборы состоятся через неделю, седьмого октября. Так что не вздумай соваться в город.

Киану присел совсем рядом, будто мамочка перед сном давала напутствия ребенку и желала спокойной ночи. Он принялся поправлять не одеяло.

– Ты же знаешь, Киану: что-то вот-вот случится.

– Сета осадят, и все закончится.

Меня раздражали его движения, и я схватила его руку, чтобы унять их. Ладонь оказалась удивительно теплой. Него были длинные, музыкальные пальцы и, если бы не тяжелые времена и иные обстоятельства его жизни, его учили бы не лазать по горам и метать камни с ножами, но нотной грамоте.

– Совсем околела, – улыбнулся он.

– Киану, – я задумалась, – помоги мне завтра. Я не смогу тут сидеть, зная, что Сет, отец Вита и остальные бастуют. Я хочу знать, что именно там происходит.

– И думать забудь, – он выставил вперед указательный палец и нагнулся к моему лицу. – Тебя запросто схватят и утащат к комитетникам. Вот там тебе уже ничто не поможет.

Резко села на постели, разозлившись.

– С каких это пор ты печешься о моей безопасности?! Ты смеялся, когда я падала, и отворачивался, когда я нуждалась в поддержке! Не вздумай отрицать! – теперь я выставила вперед указательный палец.

Киану насел на меня, огородив двумя руками, так что я могла только дышать – и всюду видеть его божественно красивое лицо.

– Подумай своей неуемной рыжей головой: там опасно. Мы зашлим туда Натаниэля – у него-то побольше в этом опыта – ну или еще кого, кроме него; но ты туда не пойдешь, поняла? Если надо, я сам привяжу тебя к этой кровати. И не надо на меня смотреть такими злыми глазами.

Я жутко злилась на себя за то, что рассказала ему о намерении. Он напугал меня своими предостережениями; и ведь знал, гаденыш, что манипуляция страхом – самое действенное оружие против меня. Не будь его опасений, я бы без зазрения совести отправилась на поле боя, но добилась бы того, чего хотела. Но если уж бесстрашный Киану заговорил об опасности – стоило вдвойне прислушаться. Он умел находить рычаги действия и бездействия, – совсем, как Герд.

– Не дуйся. Ложись спать, – он снова принялся поправлять мне одеяло.

Я съехала вниз и отвернулась от него в сторону окна. Киану накрыл меня одеялом, положил руку на плечо и нежно поцеловал в щеку. От неожиданности чуть не завопила.

– Сладких снов, девочка, – хихикал он, точно малолетний дурачок, скрываясь за дверью.

– Иди к черту! – хотелось чем-нибудь запустить, но под руку ничего не попадалось.

Я даже не слышала, как он двигался по коридору, до того бесшумно он совершал все действия. Хитрый жук!

Впервые в жизни мы поговорили просто так, без глупых амбиций и никому ненужной грубости. Впервые он меня понял, и, казалось, искренне хотел помочь. Что это с нами творилось такое? Неужели повзрослели?

Оставалось не так уж много часов для отдыха. Красная, как рак, я накрылась с головой и приказала себе отложить эти мысли, по крайней мере, до утра.

13

Наутро у меня просто не нашлось возможности думать: Герд велел нам уходить на пробежку, а после – проверить силки. К счастью, меня отправили с Руни; мысли ее занимало что-то невероятно важное, оттого мы перекинулись всего парой слов. Я высматривала силки и все время прислушивалась; это был слишком беспокойный день, чтобы вести себя спокойно.

Натаниэль ушел на рыночную площадь, чтобы выведать что-нибудь о бастующих, однако раньше полудня в Долину не возвратится, и, следовательно, ничего пока не узнаем. Герд, хоть и довольно слаб, просил сделать перевязку и помочь надеть куртку, после чего также скрылся в неизвестном направлении. Я держала себя в руках, хотя и злилась на это «общественное» молчание. Но, кажется, моей проблемой была не только необходимость преодолеть страх, но и привыкнуть к тому, что ничего не значу. Собственная незначительность угнетает хуже любого оскорбления.

Я вспомнила о Каре, о том, как ей, быть может, еще более одиноко и ужасно, чем кому бы то ни было из нас. Нас не вырывали из привычной среды и окружения и не заставляли работать на заклятых врагов. Она бы многим со мной поделилась, если бы могла.

Руни молча указала на силок – такие устанавливал только Киану: сложные, запутанные, чтобы посторонние трижды его прокляли, прежде чем додумались нести местным властям на экспертизу и отпечатки пальцев. А, впрочем, многого они бы этим не добились: Герд стер Киану подушечки, так что они не идентифицировали личность. Я знала, что по всему миру только несколько человек родились с подобным дефектом, и я в том числе. Необычный дар для мертвой души, не так ли?

Сняв силок и уложив тушку зайца в холщовый мешок за спиной, я еще раз осмотрела свои руки. У Киану они изящные, точно у какого аристократа. Интересно бы поглядеть на его родителей или родословную. У меня ладони широкие, как у простого крестьянина, а пальцы довольно короткие, да и ногти не в пример благовоспитанной барышне, сразу видно, не сплю до полудня и не читаю глянец. Мир, в котором мы жили, резко контрастировал с тем, что расположился всего в трехстах километрах от нас. Земля под белыми крыльями могла бы стать утопией, если бы не пять провинций тружеников. Я усмехнулась.

– Чего это ты смеешься? – обидчиво спросила Руни. Вот уж кто по праву может зваться малышкой, так это Руни, с ее белесыми кудряшками и очаровательной улыбкой с ямочками.

– Вспомнила хорошие времена. Если такие были, конечно.

Руни не оценила шутку. Странно, что Киану ничего мне не рассказал: у этих двоих снова что-то произошло.

– Руни, ничего не хочешь мне рассказать?

Мы уже намеревались войти и возвратиться в Долину, но остановились у малинника. Ягоды никто не собирал, и они высохли. Но в память о былых, куда более спокойных временах, я не могла пройти мимо.

– Все утро ты сама не своя. Кто тебя обидел? – я скинула тяжелый мешок и присела на пенек.

– Ты.

Я опешила.

– Да мы от силы пять слов друг другу сказали.

Руни глубоко ушла в себя, смотря на ягоды

– Это все... не ты... ты не виновата... это Натаниэль...

– Нат? – воскликнула я и улыбнулась. – В чем же может быть проблема? Вы помиритесь, – с полной уверенностью говорила я.

Нет на свете ничего более само собой разумеющегося, чем союз Руни и Натаниэля. Они всегда вместе; сколько помню их детьми, постоянно бегали по лесу, учили уроки, выполняли задания, дулись на Герда – и ничто не нарушило бы этого факта, не будь лицо Руни столько печальным.

– Ты не понимаешь, Кая, – жестко возразила она. – Мы не можем быть вместе. Натаниэль этого не хочет.

– Не может быть, – ох уж это сомнение в собственном голосе. – Чего же он тогда хочет?

– Тебя.

Поначалу я старалась переварить ее слова, а когда весь их смысл дошел, наконец, до сознания, выпалила:

– Руни! – встала и принялась собираться.

– Это правда, Кая! – крикнула она. – Я тебе не лгу!

– Да чушь собачья! При чем тут я? Мы можем жить под одной крышей, но ты не хуже меня знаешь, что творилось в последние недели.

– Я тоже так рассуждала, пока до меня не дошел смысл слов Ната.

– Каких еще слов?

– Он сказал: «Мне нужно другое».

Я шагала впереди, не давая ей возможности поравняться и заглянуть мне в лицо. Мы шли шумно, тяжело ступая и громко разговаривая – почти кричали – что было недопустимо за пределами Долины. Нас могли услышать или еще хуже – увидеть. Мы рисковали всегда, но всегда соблюдали осторожность.

– Руни, я пас в этой игре, – я подняла руки, давая понять, то не являюсь предательницей или кем она меня теперь считает.

В ушах зверело – хорошо бы сейчас выполнять монотонную работу или лежать где-нибудь в тишине.

Быстро добравшись до Долины, я наспех зашагала в сторону дома. Геолокация выигрышна: он не виден практически со всех сторон; только Герд мог выбрать себе подобное пристанище. Он сам выбирает, когда ему быть видимым, а когда скрываться в тени.

– Кая, он так на тебя смотрит... – в слезах вторила Руни, – я всегда мечтала, чтобы он на меня так смотрел!

Я молча глотала слезы. Хотелось ответить, но не хотелось причинять боль. Да что же я за никудышное создание! Молилась: ноги, несите меня скорей в дом; пусть быстрее займу себя каким-нибудь полезным делом... Слова Руни резали слух. Бедняжка! Бедная, бедная Руни! Никому нет до нее дела, и даже Натаниэль – последний предатель – всадил ей нож не в сердце, в спину. Как же я могу быть такой жестокой! Я кинулась обратно к ней и крепко прижала к себе. Бедняжка горько рыдала, обливаясь горячими слезами. Я не могла себе позволить подобной роскоши. По-настоящему я разучилась плакать много лет назад, и с тех пор проронила считанные слезинки.

О, что за наказание! Была б у Руни мать, она бы сумела ей донести, как все, сейчас происходящее, на самом деле неважно. Все бытие – тлен, и тленны мы. И слезы ее – глубоко бессмысленны. Но она – не я. Как просто заставить себя отказаться от чувств и больше никогда к ним не возвращаться. Так просто становится жить, так пусты становятся иные действия, так смешны стенания любви. Но она – не я. Она-то все чувствует, и сердце ее кричит так отчаянно, что даже я, отпетая эгоистка, чувствую эту горечь. Таким людям, как Руни, нужна надежда на лучшее будущее, нужны теплые слова и много заботливого надзора каждый божий день в этом неприкаянном доме. Но я не могла убедить ее в том, во что не верила сама. Все изменится – ведь мы за это боремся, но эфемерное счастье? Оно для меня ничего не значило.

– Руни, – взяла ее личико в ладони, – все будет хорошо, слышишь? Все будет, как надо. – она подняла свои светло-голубые, подернутые пеленой слез, глаза. – Ты ведь знаешь, что все наладится? Знаешь же?

Она кивнула. Надежда – вот ее награда. Это то, что у Руни не отнять, она всегда верила в лучшее.

Кусая губы, я вновь пустилась в дорогу. Меня ждали новости о забастовке. Только как я теперь сумею смотреть в глаза Натаниэлю, если все подозрения Руни верны?

14

Вернулись в дом мы, будто обескровленные. Вид умиротворенных Ноя и Орли, вертевшихся у стойки с глиной, заставил меня впервые почувствовать неловкость подобного рода. Неудивительно: дела сердечные никогда не составляли поле моей деятельности.

Сбросила с плеч тяжелый мешок и размяла плечи.

– На тебе лица нет, – сказал Киану.

– А на тебе рубашки.

Какого черта она делает все еще хуже?

– Брось, девочка, что там у вас произошло? – он одернул меня за локоть.

– Ничего, – я закатила глаза. – Нат вернулся? Что он сказал?

– Спроси. Он молчит. Хочет дожидаться Герда.

– Его все коробит, что ты стал его правой рукой.

– Да не стал я его правой рукой!

– Да, конечно, рассказывай мне тут басни.

Я подошла к бочке, омыла лицо, шею, руки.

– Так ты не спросишь Ната? Мне тоже интересно.

– Нет, – просто ответила.

– Правильно ли я понимаю..? – какой же он догадливый, этот подлый кретин! В эту секунду он истошно засмеялся. – О, неужели?

– Иди к черту! – оттолкнула его в сторону.

Ну что ж, пора и к делу приступить. Пока Мальва занимает каждого в этой мнимой команде всевозможной работой, я сумею незаметно удалиться.

Киану все еще заходился истерическим смехом, чем привлек изрядное количество публики. Я тем временем открыла шкаф общей экипировки, достала бинокль, куртку, собрала волосы. Уйду через парадный – все сейчас на заднем дворе. Нет времени ждать каких-то слов, тем более что Нат раздует из мелочи огромного слона и придаст выясненному степень мировой важности; а я должна видеть *все* своими глазами.

Нужно попасть в другую – почти противоположную часть Ущелья. Через город идти опасно – придется сделать круг и идти через скалы. Это не так уж плохо, появится шанс закрепить навык ползанья по горам; для этого я предусмотрительно захватила веревку и крепление.

Все это я сделала совсем недалеко от дома, вознамерившись сократить дорогу и пройти прямо по макушке той горы, в которую вмуровано наше жилище. Все еще ноющей болью отдавались резкие движения левого локтя. Поры и с этим завязывать. Не те времена, чтобы позволить себе расслабиться.

Почти забралась на плато, как вдруг веревка сильно дернулась, и я едва удержалась.

– Что это ты творишь? – это дело рук Киану – больше некому.

С ним опасно связываться. Я поспешила достичь плато и снять крепление. Только будучи высоко над ним, смогла спокойно ответить:

– Я не могу сидеть и ждать.

– Кая, не сейчас! – почти, как Герд, приказывал он.

Я пожала плечами и в страхе скорей скрутила веревку. Пора убираться отсюда.

Он что-то шипел вслед, но я уже была далеко, чтобы принимать это всерьез. Я должна была убедиться в безопасности бастующих, Артура, Сета, Вита – всего города. Эта мысль не давала спокойно жить. Кроме того, не помешает побыть наедине с собой.. и своими страхами. Я страшно трусила, мерещились какие-то тени и звуки, но продолжала идти вперед. Облегчение почувствовала только когда вышла на линию схода поля и леса. Лес являлся нашей стихией, в

которой мы выросли и научились существовать, но деревья часто водили в заблуждение, из-за чего тряслась порой, как осиновый лист. В поле видны ваши враги, в лесу – страхи.

Пройдя эту грядку, я взобралась на холм – оттуда хорошо видна некоторая местность. Рудники, как и наша Долина, примостились за одной из гор. Природные ограждения не дают нарушить вedomый труд рабочих или несанкционированно попасть на завод. Зато сверху прекрасно видно, что происходит на нескольких площадках. Меж гор поднимался дым – туда и лежал мой путь.

Подходя все ближе к намеченной цели, я стала ловить на себе чей-то взгляд. Точнее сказать, чуяла кожей, как кто-то неотступно следил за мной – и довольно долго. Пусть бы это был кто угодно – только не стражи и не комитетники. Пуще смерти я боялась только жестоких пыток. Герд рассказывал нам о болевом пороге и наиболее болезненных точках человеческого тела. Он также поведал, как можно абстрагироваться от боли, тем самым уменьшив ее, однако у меня совершенно не было какого бы то ни было желания проверять это на практике. Ускорила шаг.

К Горе нужно подобраться с севера, далее закрепить веревку и взобраться наверх.

Обернулась, снова мучаясь назойливой паранойей, но за спиной пустота. Нож всегда наготове, главное – успеть вовремя им воспользоваться. Я поспешила к подножию горы. Оглядевшись по сторонам и всмотревшись в каждый куст, закрепила веревку и полезла вверх. Несколько раз нога соскальзывала, и тогда еще сильнее цеплялась руками за веревку. А таким пытением, с такими жалкими попытками и неуклюжестью... Не стать мне гордостью Герда.

Наконец, подобралась к плато – оставалось всего несколько метров, когда кто-то закопошился сверху. Все мое тело замерло. Тишина. Должно быть, крупная птица или заблудший лесной зверек.

Еще несколько шагов – и закинула на ровную поверхность руку.

В этот момент кто-то с силой в нее вцепился.

15

Не посмела крикнуть, но с силой выдернула руку и вжалась в скалу. Я не заметила, как отпустила веревку и теперь боялась пошевелиться, чтобы не стать жертвой высоты. Высоты и собственной несобранности. Интересно поглядеть на тех, кто найдет мое распластанное тело под этой горой. Претендую на звание второй «женщины из Исдалена», черт подери.

Незнакомая рука вновь рыскает, но в немом ужасе я не в силах была произнести и слово.

– Дай руку, девочка, – раздался голос. – Ты там померла, что ли?

Да ушам своим не верю!

Небо загородило лицо Киану, и я разрывалась между желанием расцеловать и убить его.

Он подал веревку, и я ощутила твердую почву под ногами. Только от пережитого страха тряслись еще поджилки и пальцы рук. Истеричка. Неполное владение собственным телом уже полбеды: упала в объятия Киану, за что потом кусала себя за локти.

– Ты меня напугал, – выдавила, пытаясь высвободиться.

– Вот как? Это достижение.

Ударить бы себя за это, но, откровенно говоря, эти секунды показались особенными. Никогда не имела возможности рассмотреть его так близко, и никогда красота его темных глаз не виделась столь устрашающе-соблазнительной. Тепло его рук приятно окутало все тело, и если бы, замерев, провела так еще несколько секунд, то сумела бы уснуть...

Все это показалось вдруг диким. Я вырвалась из оков его рук и подняла веревку.

– Как ты тут оказался?

– Выследил. Из тебя бы вышел отличный скалолаз.

Улыбаясь, легла животом на пригорок и достала из-под куртки бинокль.

– А из тебя – комитетник.

Киану примостился рядом.

– Оскорбила от всего сердца.

– Извини, мой король, – подтолкнула его плечом. – Тогда двойным агентом, – боковым зрением уловила его недоразумение. – Кажешься волком-одиночкой, а на самом деле хочешь, чтобы Герд погладил по голове?

Пока он соображал, мне удалось высмотреть кое-что на одной из площадок. Она была пуста, лишь несколько охранников с оружием в руках спокойно расхаживали да курили. Затем под крышей, видимо, распахнулись двери, и оттуда вытолкнули мужчину со связанными впереди руками. Сет! Рубашка и брюки на нем черны и порваны – даже через бинокль это сильно бросалось в глаза. Лицо его перепачкано, волосы сбиты. Шагал он босиком. Там творилось что-то неладное. С ним заговорили. Он не ответил. Его ударили винтовкой. Он упал на колени, борясь с болью. Его заставили подняться. Где же остальные?

– Я здесь, потому что беспокоюсь о тебе, – донеслись до ушей слова Киану.

– Там Сет, – прошептала я, и он взялся за бинокль.

Через минуту на площадку стали выводить остальных там были все те, с кем мне довелось коротать один из холодных вечеров в доме за обвалом. Артур затесался в толпе; юноша, мастеривший бомбы – в самом начале; братья – позади него; Лурк – где-то в стороне; старик Тао плелся в конце. Лица прочих мужчин также всплывали в памяти: некоторые из них дружили с Муном, я помнила, как они приходили в дом тетки, но мне тогда велели держаться в стороне и ни за что на свете не признаваться в родстве с ними. Один из них – наш близкий сосед, другой приводил Муна домой, когда тот сломал лодыжку, третий – молодой человек, недавно поступивший на завод... Я знала каждого, даже если мы никогда не разговаривали; узнавала многие черты, ведь это были люди моей провинции, нашего Волчьего Ущелья, так

нелюбимого властями Метрополя. Эти мужчины казались обессиленными, но не лишенными внутреннего стремления. В центр вышел начальник завода – высокий, матерый объект, склонный к полноте. На людях он появлялся редко, но каждый узнавал его по медвежьей походке и личному автомобилю, купленному за десятки тысяч долларов где-то за бугром. Рядом с этими худыми, измученными мужьями Седьмой Провинции он выглядел по-комичному смешно.

Он что-то сказал им всем. Сет – истинный лидер – глаголил от лица сограждан, как и обещал. Страж хотел его снова ударить, но начальник жестом остановил данное намерение.

Мы с Киану синхронно переглянулись: неужели послушают?..

Вдали раздались сирены. Мы лихорадочно огляделись, но остались незамеченными. Я прильнула к биноклю. Людей, стоявших по сторонам, сильно толкали, но не били прикладами. Сирены все приближались, все громче и громче навязывая свой отвратительный панический звук, что эхом разносился по всей округе. Нас не могли видеть, но на крыше завода, как и на трубах, установлены датчики, реагирующие на массу более одного килограмма – именно столько, в среднем, весит ворона или голубь, самые крупные птицы региона. На этом экипировка местной «знаменитости» оканчивалась.

Сирены уже не шумели, а верещали, точно капризная девица. Это были военные джипы сборки двадцатилетней давности. Сирены на модели не предусмотрена, видимо, одолжили у местных страж, дабы придать себе значимости.

Автомобили преградили путь, припарковавшись вразнобой напротив толпы. Из них вышли несколько представительных лиц. Как щит, их окружали военные. Они остановились на расстоянии от рабочих, рядом с начальником завода. Ветер развеивал подола их добротных дорогих пальто, и скудный свет пасмурного дня серебрил элегантные кожаные туфли.

– Ты только взгляни на эти пижонские сапоги, – словно угадав мысли, выразился Киану.

В иной ситуации я бы прыснула со смеху, но тогда все мое тело было в высшей степени напряжено. Что-то подсказывало: случится беда.

Они общались с начальником. Затем обратились к рабочим. Сет что-то долго говорил.

– Хоть бы слово разобрать, – пожаловалась вслух.

Один их приезжих – тех, что в пальто – вышел вперед. Но ему сложно оказалось судить о намерениях, однако выглядел он вполне безобидно – демократ, простой посредник.

И тут меня осенило провидение:

– Что здесь делает капитан? – в полнейшем непонимании изумилась я.

– Ты его знаешь? Того, кто говорит?

– Комитетник. Прислали из Метрополя. У Герда с ним какие-то дела. Но эта крыса доложит все «наверх». А еще говорят, что посредники нейтральны. Они просто слабаки, лебезящие перед двумя сторонами.

Интересно, какого черта этот капитан не уехал в Метрополь. Прибыл он давно для того, чтобы задержаться здесь так надолго. Что-то замышляется, и эта забастовка – пустая шалость в сравнении с тем, что ждет впереди.

Капитан слушал Сета. То, что произошло далее, случилось в считанные доли секунды. Речь Сета спровоцировала бурную поддержку масс. Прямо как в тот вечер, они воздели к небесам руки и заголосили. Охранники и солдаты принялись избивать рабочих. Выстрел. Я вздрогнула. У них нет оружия... стреляют стражи. Снова выстрел. Юноша ринулся вперед. Он что-то прокричал. Донеслось слово «свобода» – и взрыв. Два автомобиля взлетели в воздух, как бабочки. Их осколки перьями парили над землей. Огонь все застелил кругом. Обрушился шквал выстрелов. Некоторые падали сразу. Иным удавалось разбежаться в стороны. Царил хаос. Всюду мелькал дождь из пуль. Из дверей завода и внутренних ворот вывалились десятки – сотни – рабочих. Они кричали. Они ликовали. Слышно это было далеко за пределами горы. Глаза выслеживали тех, кто был мне знаком. Старик Тао и один из братьев лежали мертвыми.

Лурка нигде не видать – удалось скрыться. Они все выбежали за ворота. Они стремились на свободу. О, что же они натворили? Что станет с городом после этого?

Капитан с приспешниками спрятались за уцелевшими автомобилями. Труссы! Капитанский чин – пустой звук, он и себя защитить не в силах, не то что страну.

Кто-то разрезал Сету веревку на руках. Выстрел. Его тело дернулось.

– Сет! – я ринулась вперед, будто могла скатиться с этих подмостков и помочь.

К нему подобрался раненый Артур. Вся его рубашка зияла красными пятнами.

– Артур! – тогда могла думать только о двух его детишках и несчастном Вите, который и без того повзрослел раньше срока.

На меня уставилось лицо капитана.

– Ложись! – крикнул вдруг Киану и накрыл своим телом.

Испугалась я после. Поверх нас светил алый, как кровь, луч.

– Что это? – пропищала я.

– Герд не говорил, что здесь камеры... – прошелестел Киану, оглядываясь. – Пошли! – рывком потащил меня к обрыву.

Мы ползли по земле, как партизаны на минном поле. Я впереди – Киану за мной.

– Крепи веревку, – велел он.

Продолжая лежать, принялась за дело. Он подполз с другой стороны, все время оглядываясь.

– Думала, что я одна параноик.

– Лезь вниз.

Не разбирая скалы, почти полностью отпустила веревку и слетела вниз. Киану спустился еще быстрее – неуловимая молния. Мы сняли крепление. Как быстро только могли, побежали к лесу – и неслись птицами, рассекая со свистом воздух так скоро, что закололо в обоих боках, а в глазах заплясали геометрические узоры.

– Что это было?

– Камеры слежения.

– Они нас заметили?

– Огонек сработал не сразу, я успел пригнуть нам головы. Паразиты гребаные... – и посыпалась знатная ругань.

Снова двинулись вперед, сквозь чащу, только хруст веток слышался под ногами. Мы отталкивали от лица сухие ветки деревьев и не в меру разросшихся кустарников. Казалось, мы производили неимоверное количество шума – но это один только страх шипел в голове. И сердце колотилось, как бешеное.

На секунду мы прижались к стволам, чтобы перевести дух.

– Что будет с рабочими? – просипела.

Киану, чуть согнувшись, смотрел на меня.

– Это революция, Кая.

Часть 2. Восстание

16

Когда прибежали к дому, город и долину накрыла тьма. Это выпала безлунная ночь, и мы могли спокойно идти сквозь лес и поля, не опасаясь быть замеченными. Издали зоркие глаза наши заприметили сильную фигуру Герда – очевидно, и он только что вернулся из своего мистического похода. Мы не замедлили шага, дабы не выглядеть подозрительно. Мало ли для чего шастали мы по лесу: в поисках мха, хвороста, за снопом сена или пристрелить птицу к ужину... Реакции наставника доводилось бояться слишком часто. Телесные наказания – не его сфера; он ведает куда более изощренные способы заставить почувствовать себя виновным ничтожеством.

Герд вошел в дом с парадного. С площадки шагал Натаниэль. Видимо, запирал хлев и кормил свиней.

– Нат, – шепнула я, он обернулся. Я кинулась к нему, позабыв, что лучше держаться от него подальше. – Ты разговаривал с Гердом?

Он с подозрением нас осмотрел.

– Нет. Он только вернулся. А что?

– Есть новости, – Киану кивнул в сторону двери, и мы направились внутрь.

Мальва – заботливая из самых заботливейших женщина на планете – уже приготовила таз с теплой водой и подавала Герду ужин. Выглядел он уставшим. Увидав нас, попросил меня сделать ему перевязку. Рана все еще кровоточила и, видимо, изрядно нарушала болью любое движение тела. Он сел ужинать. Мы переглянулись с Киану. Он кивнул Натаниэлю, мол, начинай. Мы не имели права говорить, пока наставник не давал свое позволение. Довольно медленно разделяваясь с бобами и мясом, он жестом дал понять, что готов слушать.

– Дайте же ему спокойно поесть, – возмутилась Мальва. – Ни минуты покоя.

– Время не спокойное, Мальва, – спокойно ответил он. – Я слышан о забастовке на заводе.

В комнату вошли Ной с Орли и тихо примостились где-то в стороне.

– Они бастовали все утро. Сет подвергался пыткам. Стражи и начальство и слушать не желали о переговорах.

– Этого следовало ожидать, – ответил Герд.

– Есть еще кое-что, – вступил Киану. Вошла Руни; теперь мы все оказались в сборе. – Они расстреляли некоторых рабочих. Туда прибыли представители Комитета. И капитан. Он разговаривал с Сетом. Кто-то из толпы взорвал автомобили, и люди разбежались.

– Это революция, – изумилась Руни.

– Еще рано об этом говорить, – серьезно отвечал наставник. – Революцию поднимают массы, – он взглянул на меня, затем вытер куском хлеба тарелку и отправил в рот. Жевал он степенно, будто мы обсуждали художественную книгу и никуда не торопились. А в действительности, спешили ли мы?... – Сегодня также случился взрыв в Метрополе.

– Кто это был? – спросила Орли. Она стояла в дверях, сложив руки на груди, и надменно наблюдала за происходящим.

– Это меня не интересует, – Герд отодвинул тарелку, вытер руки и губы. – Дело рук не наших. И не любительских групп, вроде той, что у Сета. Взрыв произошел на четко отмеченной территории и задел ровно одну кофейню и прилегающую к ней летнюю площадку – не больше.

Погибло девять человек, около двадцати в госпиталях или реанимациях – все по паспорту метрополийцы. Среди них также любовница старшего сына Правителя – главы Комитета.

Он с такой легкостью и равнодушием рассказывал о людских жертвах, будто это был всего лишь сюжет дешевого фильма или пустые рассказы какого-нибудь гуляки, что не прочь пропустить рюмку-другую каждый раз, едва завидит бутылку. Как будто смерть в его глазах ничего не значила!

– Это кто-то из наших, – отозвался Ной, – больше никто не осмелится.

– Это должно было произойти после выборов, – сказал Герд. – Наши оповещены об этом. Есть согласованность.

В какую-то секунду я поняла, что происходящее мне непонятно. Я видела восстание собственными глазами, и полагала, что это подтолкнет Герда к действию, однако это вдохновляло его не больше, чем укус назойливого комара в летний зной. И кроме этого, он говорил «мы», как если бы мы все рассыпались по стране, хотя гнили в горах Седьмой провинции...

– Народ поднялся раньше, – произнесла Орли.

– Нам пора действовать, – Герд поднялся из-за стола и опустил пальцы рук на стол.

– Еще вчера ты убеждал меня, что все пустое, и мы не можем ничего сделать, а теперь, когда невинные люди погибли ни за что, ты говоришь, что пора действовать? – Нат и Киану напряглись, стоя рядом.

– Невинные люди? Это метрополийцы, Кая. Они для нас хуже гитлеровцев, – встряла Орли.

– Сейчас самое время взять инициативу в свои руки, Кая, – строго отвечал наставник. – Держи язык за зубами, – Орли радовалась, что меня поставили на место, но я не могла успокоиться. – Метрополь умалчивает о взрыве. Это не передали в новостях, и ни один журналист не попал на место происшествия. Несколько улиц по периметру оцепили. Правительство явно что-то задумало.

– А что же Кара? – также самодовольно продолжил Орли.

– Это вас не касается, – охладил ее любопытство наставник, и я опустила голову, пряча улыбку. – Я должен решить, как поступить далее. Обсудим это утром.

Все, как по команде, принялись расходиться по своим углам, и только я, как в тумане, все не унималась.

– Герд, что ты имел в виду, когда сказа «дело рук не наших»?

Он поднял ладонь, будто позволяя кому-то из присутствующих говорить. Многие уже открыли рты, дабы что-то выпалить, но Киану резко их остепенил:

– Замолчите.

Они переглянулись с Гердом, и все покинули столовую. Если бы у меня осталось больше сил, я бы набросилась на него с кулаками.

– Так, значит, еще одна тайна? – устало спросила.

– Это не то, что я имел право разгласить. Герд велел мне молчать.

– То, что ты старше, не дает тебе права держать меня в неведении! Как будто я никто – пустое место!

– Кая, – глаза Киану подозрительно блеснули, – мы – не пустое место. Мы – девять самых значимых людей государства.

Я не понимала, о чем он. Меня лишь удивила цифра.

– Девять?

Из-за двери показалась Руни – подслушивала, стоя в коридоре.

– Мальва знает много любопытного.

– Мальва? Да вы рехнулись! Она присматривает за домом.

– Кая, мы наёмники. Пришло наше время повлиять на ход истории.

17

Именно так я узнала о том, что пятнадцать лет назад Герд начал искать детей-сирот, чтобы создать из них настоящих солдат. Первой из нас стала Кара, далее Киану, Орли с Ноем, Руни, Натаниэль и я. Он искал детей без прошлого и будущего, чтобы заставить их изменить настоящее. Меня к нему привели добровольно, чтобы я могла работать и зарабатывать деньги. Я вспомнила, как после неких хаотичных событий долгими зимними вечерами тетка постоянно сетовала на нищету, и как Мун ее успокаивал.

Этот пузатый мужлан, третий представитель рода, посвятивший свою жизнь местному заводу и добыче мела, относился ко мне с долей отцовского покровительства, и, если бы не его врожденная грубость, я бы даже стала утверждать, что он меня по-своему любил. Его единственная дочь – Мария – моя двоюродная сестра – характером, как и лицом абсолютно точно повторяла свою маменьку; и, сдается мне, он не находил особого удовольствия в ее характере или манерах. Впрочем, до этого мне не было никакого дела.

Скончался он от сердечного приступа. Мне было двенадцать. С тех пор детство перестало принадлежать чужой девочке, чье воспитание лежало на плечах ворчливой тучной женщины. Больше никто не доставал из кармана потрепанной куртки сладкие карамельки, засахаренные груши и, может быть, где-то украденные тайком шоколадные конфеты с настоящим какао. Никто больше не рассказывал о похождениях молодости, о дедах, живших в лучшие времена, о детских играх и премудростях вбивания гвоздей в деревянное покрытие...

Существенный доход семейства крылся в живой душе доброго старика; папаша скудного рода занимал пост, выгодный государству – физический труд ценился куда выше умственного на обездоленной, бедной земле без рекреационных ресурсов, – и ни разу в жизни ему не довелось сменить своего направления. Согласно одного из указов Правительства, гражданин, проработавший физическим трудом двадцать лет кряду, каждый год с текущего момента получал выплаты – «благодарность процветающей державы», как выразился Президент в одной из своих речей. Беда лишь в том, что не каждый добрый житель пяти рабочих провинций – Третьей, Четвертой, Пятой, Шестой и Седьмой – сумел дожить до установленного срока. Тяжелый физический труд, постоянная нужда, голод, бесконечные налоги и бессилие, значительно укорачивали жизнь тех, кто отдавал свои годы служению правительственным приказам. С наступлением смерти, добрый старик Мун котировался в ранг «мертвых душ», причем в одночасье, уж эта система работала слаженно, как часы; а наивная тетка, в надежде перехитрить почти пятидесятилетние устои, привлекла к себе внимание местных властей.

В опустевшей вдруг лачуге жить мы стали хуже некуда. Не успело тело остыть в холодной апрельской земле, как Бона помчалась в большое, золотисто-желтое здание городского Совета и потребовала выплаты денег «по потере кормильца». Она трясла перед носом у руководителя какой-то бумажкой из морга, которую подписал даже священник, читавший молитвы над телом несчастного, но добиться так ничего и не сумела. Вымученная, разъяренная, она вернулась поздно вечером, кутаясь от промозглого ветра и так скверно ругаясь, что мы с Марией в страхе закрыли себе ладонями уши. Это было наше первое единение за те годы, что мы прожили под одной крышей.

С Марией мы несильно ладили. Назвать наши отношения, страстно-сестринскими как то случалось наблюдать у иных жителей Ущелья, представляется затруднительным. Наши матери произвели нас на свет с разницей в два года, и тетка с первых же минут проживания в их доме дала понять: я – старшая. С меня спрашивали неурядицы, меня клеймили в неудачах, я отвечала головой за промахи кровной родственницы. Поначалу это пугало; но много позже я осознала истинную причину отсутствия взаимопонимания между двоюродными сестрами: Мария

была той девочкой, которая все сознательное детство жила внутри меня – пугливая, робкая, застенчивая, эгоистичная – и которой я никак не хотела быть. По прошествии лет она так и осталась юной белоручкой, страшащейся запятнать глас собственной натуры; мне же пришлось перекроить истины, отыскать новые идеалы, научиться соответствовать собственным ожиданиям. Вероятно, эта неприязнь, крывающаяся в отдельных человеческих чертах, и стала той причиной, по которой я не переносила ее на дух, и жаждала уйти оттого как можно дальше.

Совсем скоро после того случая с бумагами к нам в дом наведалься высокий молодой человек. Он работал в здании Совета, иногда выступал на центральной площади перед жителями Ущелья, провозглашая новые законы, принятые в Метрополе, или делая важные объявления, касающиеся города. Каждый волчок знал его в лицо, а людишки, – жалкие, точно мухи, – даже кланялись ему или делали реверансы, встречая на улицах. Увидать его в собственном доме, означало прославить себя на всю округу, ибо это ни с чем не сравнимая сенсация, снисхождение богов. Мы все занимались хозяйственной работой: тетка набивала тюфяки соломой, Мария пыталась не запачкать руки, перебирая фасоль для ужина, а я, на заднем двореке, возилась в маленьком огороде, где собирала последние крохи урожая. Две двери – почти напротив друг друга – оказались распахнуты, но первыми жандарма увидели тетка с сестрой.

– Здравствуйте, уважаемый, – никак не смутилась родительница.

– Добрый день, госпожа Бона.

В затхлом, скудном домишке со старой мебелью, крошащимися потолками и трухлявыми половицами, этот денди пытался отыскать себе место поприличней, дабы усадить свой священный зад. Тетка постелила старую газету, которую я украла из библиотеки, на кухонный стул, и указала гостю рукой. Я тут же себе представила роскошные залы его собственного дома – хоть никогда в жизни их не видала, – стерильно чистые, блестящие, с дорогой мебелью, выписанной из Ас-Славии или Метрополя... Весь его вид говорил о том, что он насмехается над нами.

– Приношу соболезнования, – заученно изрек посетитель. – Вы, стало быть, супруга скончавшегося?

– Все так.

– Нас насторожил один инцидент, имевший место несколько дней назад. Вы пытались ввести в заблуждение государственных деятелей, внушая о необходимости выплатить вам деньги, причитающиеся вашему супругу. Но супруг погиб, а, значит, государство вам больше ничем не обязано.

– Я лишь хотела получить свои деньги по праву, – не испугалась тетка.

– В мои обязанности входит выписать вам штраф за неподобающее поведение. Однако этот штраф мы пришьем к вашему личному делу. – Он порылся в своей кожаной сумке-почтальонке и достал несколько выбеленных листов бумаги. – Ах, вот оно что. Это ваш второй штраф. Если подобное повторится в третий раз, вы вынуждены будете отправиться в тюрьму на известный срок – двадцать дней, после чего обязаны еще десять дней добровольно-принудительно работать там, где вам укажет Совет.

Тетка никак не реагировала.

Жандарм выписал квиток и передал его Боне. Она отложила его на буфет, оставшийся от нашей бабушки, и прикрыла каким-то камнем-брусом.

– Сроку вам ровно месяц, далее штраф растет и...

– Знаю я эту вашу систему, – отрезала тетка.

– Тем лучше для вас, – улыбнулся гость. – Я должен заполнить кое-какие бумаги и взять с вас подпись, – довольно мирно продолжал он.

Они разговаривали о родственных связях, и, когда он услышал о том, что сестра тетки погибла вместе с мужем несколько лет назад при взрыве, лицо его тут же стало серьезным, будто ему это совсем не понравилось. Он стал расспрашивать о собственных детях тетки, но в

эту секунду я что-то уронила, и лицо жандарма – красивое, если бы не злые глаза – обратилось в мою сторону.

Он встал и решительно направился к другой раскрытой двери, где я, уже испугавшись, глазела на его высокую фигуру.

– А ты кто такая, девочка?

Он присел рядом и подолы его серого, блестящего пиджака, едва коснулись простой черной земли.

Сердце мое колотилось от чудовищного страха – людей я всегда боялась. Но тут подбежала тетка и зататорила, точно наседка:

– Это так, просто девчонка, соседская девчонка. Она ходит к нам помогать по хозяйству. Видите, спина моя уже немолода. Уже совсем сложно справиться. А дочь моя болеет часто, незачем ей на сквозняках находиться... Ступай, – она скоро подтолкнула меня в плечо и указала на соседский дом, – возвращайся домой, Армина, ты сегодня нам очень помогла. Приходи ужинать.

Все эти секунды мы с жандармом испепеляли друг друга взглядами. Тетка снова меня подтолкнула и принялась шипеть мне что-то на ухо. Я отправилась за дом, а сама спряталась за небольшой стопкой дров, оставшихся еще от мужа Боны. Там, недалеко от входа в дом, стоял поразительной красоты спортивный автомобиль. О таких рассказывали мальчишки. Я сидела за этими дровами, и молилась, чтобы этот странный человек скорее уехал из нашего дома, или чтобы соседи меня не заметили и не стали причитать на всю улицу.

Тетка еще разговаривала с жандармом – я слышала их голоса. Я наблюдала за пасмурным днем и за светло-серым небом, по которому бежали полупрозрачные облака. На улицах было пусто, и небольшой ветер колыхал немногочисленные фруктовые деревья, пораженные какой-то заразой. Голоса утихли, но автомобиль все еще стоял у дома. Я вознамерилась встать, но рука накололась на что-то острое. Веточка малины! У рудников растут леса, и иногда – очень редко – рабочим удается опочить в тени деревьев. Добрый старик порой приносил из лесу несколько веточек малины, затаенных в кармане, а вечером отдавал нам с Марией. Ягоды на них немного мялись, но сохраняли свою свежесть и сладость вкуса. Должно быть, я выбросила ненужную ветвь через кухонное окно, что как раз над моей головой, а она так и высохла под осенними ветрами.

Я больно уколола палец и принялась высасывать из него кровь.

Как же я люблю малину! Жаль только, что она доставалась мне такой ценой – ценой опасности жизни доброго старика и попытками не уколоться и не причинить себе боль.

Приезд этого жандарма я, конечно же, позабыла. После отъезда тетка отыскиала меня за стопкой дров и велела идти в дом, чтобы я не простудилась. Она была зла, но еще больше – напугана. Маленькая девочка не могла разбираться в таких тонкостях, но я это чувствовала. А еще мне показалось, что эта встреча знаменовала перемены. И я не ошиблась.

Совсем скоро, одним самым обыкновенным днем, когда я принялась стирать белье на старой терке, тетка Бона подозвала меня к себе и прямо, как всегда без единой утайки или хотя бы намека на маломальский такт, сказала:

– Кончилось твое безделье, голубка моя. Нам деньги нужны. Кормить тебя не на что. Родители твои ни гроша не оставили. Только и придумали, что смотаться на тот свет.

Она дала мне строгий наказ, и я, несмелая девчонка, не позволила себе ослушаться.

18

Тетка, хоть и жуткая упряmica да своевольница, все же настаивала на необходимости ходить в школу. Представитель науки, пусть и в закоренелом селении, ей нравились люди прогрессивного ума и, кажется, будь то возможность или средства, она непременно отправила бы Марию в Метрополь – хоть бы в тот Международный Университет, где в свое время училась моя мать.

Но мне она велела сидеть дома и заниматься хозяйством. Уж не знаю, что тому было причиной; до известного срока я воспринимала это, как зависть, некую зловредность, что ли; но едва смела задать какие-то вопросы, как тетка хмурилась и все трещала, точно трясогузка: «Ой, на что тебе вся эта ерунда? Пойди, займись чем-нибудь полезным». Но любые махинации с науками я всегда выполняла быстро – совсем не то, что Мария, которая часами прозябала над учебниками, из-за чего цвет ее лица напоминал кожицу посеревшей свеклы. В итоге я оставалась без нужной мне информации, а тетка вновь и вновь нагружала меня домашней работой.

Прекрасно помню тот день. Набрав на Волчьем Пустыре грибов, я шагала домой, где меня ждало множество поручений: стирка, уборка, готовка... Мария оставалась еще на час в школе – тетка уделяла ее образованию много внимания, так что обе они должны были возвратиться не ранее трех часов пополудни.

Меня остановила наша соседка – тетка Сфорца. Дом у нее был побольше нашего, дюжина детишек, слабеющий от непосильных работ муж, да корова на сносях. Бона часто задолжала у нее молоко, а их младшая дочь – Ми – постоянно вертелась у моих ног, особенно если я работала на улице.

– Что, к вам вчера важный гость приезжал, а, Армина?

– Не знаю, тетя Сфорца, – отвечала я.

– Что-то к вам зачастили важные вельможи. И вот когда ты маленькая была кто-то приезжал. Какой-то пингвин надутый. Что он хотел от вас?

Она-де думала, что наивный ребенок выложит все на духу, как есть, давая пищу сплетням, да только моего жалкого умишка хватало в те годы, чтобы умалчивать некоторые факты. И, сдается, не зря.

– Они с тетей говорили о дяде. Он ведь умер.

Сфорца разочаровалась. За ее тучной фигурой показался тоненький силуэт мальчика. Его звали Вит, он был старшим из всех детей, и уже проявлял дар лекаря, подстрекаемый глубокими познаниями собственного деда. Он помахал мне рукой – также сдержанно и скромно, как и я ему. Мы всегда были немного скованны в изъяснениях собственных чувств.

– Эти изверги не хотели отдавать мне деньги по потере кормильца, – прогремел вдруг голос тетки над ухом. Она шла точно за мной. – Нечего тебе расспрашивать девчонку, Сфорца. Займись лучше своей работой.

Сфорца фыркнула, затянула потуже фартук и хлопнула дверью.

Тетка потянула меня в дом. Когда закрыли дверь, она наставительно сказала.

– Армина, не говори никому о том, что к нам в дом приезжал жандарм, поняла? И даже если тебя будут спрашивать, молчи.

Я не стала интересоваться, почему, опасаясь праведного гнева. Но вечером произошло кое-что еще.

Мы укладывались спать; только тетка все беспокойно поглядывала на часы, целуя в щеку болезненного вида Марию. Родительница натянула на веревку одеяло, превращая его в обыкновенную ширму, но сама ко сну не отошла. Меня, хоть и трусливую, но до ужаса любопытную девчонку, волновало все, что происходило кругом. Тогда же я лежала в постели, вперившись

взором в потолок, и все думала, отчего тетка не идет спать, чего ждет? В следующую секунду за дверью послышался шорох, и внутри все обмерло.

Тетка тихо подошла к двери, глянула в угол окошка и едва слышно впустила кого-то в дом. Соседские бездельники часто трубили про волколаков да упырей, что Ущелье оттого и характеризуется столь малоприятным эпитетом, как Волчье; да только я кривилась и бросала им что-то вроде: «Не верю!» или «Чепуха! Вздор!» Но в ту секунду я почему-то подумала о муже тетки, об этом добром старике с его нескончаемым потоком щедрости и широтой улыбки. Вдруг он, в роли мертвеца, решил посетить горячо любимую семью?..

Мария уснула сном младенца – ей всегда хотелось спать, не то что мне, вечно истеричной, пугливой, взбалмошной сестрице, свалившейся на голову нерадивым родственникам.

Тетка едва слышно разговаривала с гостем. Он был немногим крупнее тленного супруга, но много сильнее. Волосы его были аккуратно острижены, и форма на нем виделась куда более представительной, нежели линялая рубашка с двумя дюжинами заплаток. Они обмолвились еще парой слов, тетка закуталась в платок и проводила ночного гостя. В окне его фигура мелькнула, точно призрак, и я, напугавшись еще больше, спряталась ничком под одеялом.

Эта встреча произошла под покровом ночи, а, значит, случилось нечто, что не должно быть известно ни соседям, ни кому бы то ни было еще. Что-то противозаконное. Мне это не нравилось. Я больше не чувствовала себя в безопасности.

Рано утром тетка разбудила меня, велела надеть свое лучшее платье и отправляться за железную дорогу, через Волчий Пустырь.

– Но тетя!.. – попыталась я возмутиться, и не без оснований, но она заставила меня умолкнуть.

Эти места, куда мне надлежало идти – равнины, серые и неприглядные, куда добрые матери не пускают своих детей под страхом смерти, а отцы и братья встречают послушных дочерей и сестер, если путь тех лежит через эти земли. Ущелье оттого и прозвали волчьим, что тут, на безлюдных просторах, бродили дикие звери, были холодными ночами да наводили страху на селян. Если взобраться по холму – в долине можно увидеть кладбищенские кресты, а рядом с ними – заброшенное здание некогда функционировавшей фабрики. Муж тетки рассказывал, когда-то на этой фабрике работал его собственный отец, и производство это процветало. Однако после Шестых Выборов, когда народ поднял исторические восстания, вошедшие в национальные учебники, у Метрополя не нашлось денег для поддержания убыточного предприятия и модернизации оборудования, – и теперь на меня смотрели серые, почти бурые стены с пустыми окнами, в немом ужасе разинувшие свои каменные рты, как тот диковинный персонаж на картине Мунка «Крик».

Именно здесь я должна была ожидать кого-то, кто меня встретит и проведет к заветному месту работы, ибо на пустынных просторах не наблюдалось ни одного цивилизованного жилища.

Стоял лютый холод, и в равнинной полосе дули леденящие ветра. Единственным укрытием могла служить шапка облезлой автобусной остановки, которой уже никто не пользовался лет десять. Я присела на холодную перекладину, сжала ноги и принялась дожидаться. Ветер поднимал пыль, и песок летел прямо в лицо.

– Эй! – раздался зов, и я подскочила. – Сейчас здесь нельзя гулять – вот-вот начнется буря.

Сквозь пелену песка на мосту виднелась худая фигура паренька, немногим старше меня. Половина его лица скрыта черной материей, одежда на нем виделась диковинной, вроде какого военного обмундирования да некие предметы защиты у пояса; сам он щурился и прикрывал ладонью, как козырьком, глаза. Он быстро сбежал вниз и наклонился:

– Как тебя зовут?

– Кая, – впервые я назвалась тем именем, каким меня нарекли много лет назад.

– Кая? – скривился. – Тьфу! – огляделся и разочарованно произнес: – Ты же Армина.

Он совсем не походил на ребенка в привычном понимании этого слова: его серьезный, сосредоточенный взгляд, продуманные движения, непредвзятая скованность – все кричало о преждевременном взрослении, и я несколько испугалась этого юноши. В те годы я боялась многого.

Ветер все становился сильнее, и волосы давно выбились из привычно тугой косы, когда вдруг он схватил меня за руку и потащил в сторону. Мы шагали через сухое поле с цепкими остатками скошенной пшеницы или срубленной кукурузы. Здешние жители приспособливали под свои нужды каждый кусочек земли, хоть власти, пронюхав, часто карали за это. Мы обошли стороной кладбище и приблизились к лесу. Всего несколько шагов – и перед нами стена, естественная природная граница, разделяющая Волчье Ущелье и Шестую провинцию. Пересекают границу в подобных местах только самые отчаянные: преступники, беженцы или те, кому нечего терять. Законом установлено, что ни один житель не имеет права покидать своего края без веской на то причины; но чтобы добиться желаемого, необходимо получить письменное разрешение от Городского Совета, и на официальных пограничных пунктах вас непременно остановит дюжина военных, чтобы убедиться в подлинности документов. Мун рассказывал, те, кто пытался подделать документы или же вовсе осмеливался самостоятельно искать лазейки, – карались сурово. Кого-то обязывали платить баснословные штрафы, работать ночью, у кого-то отнимали часть жилища и пахотных земель, если таковые имелись. Многих калечили дубинками в попытках задержать. Запуганный народ дорожил еще оставшимися крупницами свободы, как и теми немногочисленными благами, что удалось обжить. Прекрасно помню, как я испугалась, увидав эту стену, сразу в голове стали рисоваться ужасающие картины избиений, смерти, позора семьи тетки, – и моментально отшатнулась в сторону, греховно помянув родственницу: «Она решила от меня избавиться и убить, раз направила на нарушение закона!»

– Что это ты? – парень повернул ко мне свое светлое лицо с темными глазами.

– Туда нельзя идти, – твердо сказала я.

– Ферма находится за этой стеной, так что выбор у тебя невелик.

Я страшно перепугалась, но что еще хуже, стала люто ненавидеть этого самоуверенного паренька.

– Тетка не могла направить меня за границу Ущелья! – причитала я.

– Мне велено тебя привести в дом. Так ты идешь? Или нам искать другую помощницу?

Нужно отдать ему должное: он всегда умел находить рычаги действия и бездействия. Я начала представлять себе гнев родственницы, если сегодня вернусь домой, отказавшись от данного обещания. Дело здесь отнюдь не в чести – в страхе. Я боялась всего, и даже шелеста листвы кругом. У меня не было выбора, кроме как нарушить закон.

Безымянный незнакомец отодвинул толстый ковер засохших веток, и взору открылись выдолбленные в камнях ступеньки – кривые, скользкие, небезопасные. До чего ловко они прятали их от остальных граждан! Парень указал рукой, как будто шесть лет назад, я стояла на том же месте, когда впервые здесь появилась и я полезла вверх. Прежде чем исчезнуть за высокой стеной, я еще раз оглядела неприступный, дикий лес, и почему-то попросила Бога дать мне смелости. Странное желание для маленькой девочки. Проводник закрыл ступеньки свисающими сухими ветками, и мы исчезли за каменной оградой, будто нас и не было во всей этой утренней мгле.

Если шагать вдоль стены на юг, можно дойти до последнего склона Ущелья – он служит частичной границей, дальше – равнины. Каждая провинция расположена на равнине; каждая, кроме Волчьего Ущелья. Ландшафт его много разнообразней, и часто власти занимались поиском преступников именно на наших территориях: среди холмов и возвышенностей отыскать себе временное убежище куда проще. Недолго мы шествовали вдоль границы – хотя я постоянно прислушивалась и молилась, дабы блюстители порядка не оказались где-нибудь поблизо-

сти. Вскоре стена начинала вращать в гору, мы прошли и... среди скалистых камней, в самом настоящем ущелье взору пал большой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.